

Виктория Шиловская

Дорога любви

Два текста о детском аутизме

Конволют

Станислав Божко

Саша и Стэн

Виктория Шиловская
Дорога любви

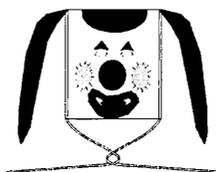
Станислав Божко
Саша и Стэн

Два текста о детском аутизме
Конволют

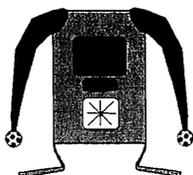
Виктория Шиловская

Дорога любви

Станислав Божко

Саша и Стэн

Виктория Шиловская необыкновенно отзывчивая, добрая и мужественная. Дело её жизни – работа в больнице им. Ганнушкина.

Всегда смотрит только вперёд, несмотря ни на что.

Изучила испанский, танцует фламенко, пишет рассказы, путешествует.

Дарит радость и тепло родным, близким, знакомым.

Наталья Вайман

Виктория Шиловская

Дорога любви

Москва
Волшебный фонарь
2019

О чём эта книга

Добрый день! Меня зовут Елена. Я работаю логопедом в многопрофильном частном центре. В последнее время довольно часто ко мне на занятия приходят дети с диагнозом аутизм. Важную роль в коррекции аутизма играет семья, которая помогает адаптировать ребёнка к занятиям, наладить его взаимосвязь с педагогом и вывести своего ребёнка на высокий уровень развития.

Тесный контакт специалиста с родителями ребёнка и подробности развития его в семье делают важный вклад в эффективность коррекционного процесса. Скажу даже более, без такого взаимодействия коррекционный процесс подчас бывает невозможен из-за малой продуктивности работы лиц, соприкасающихся с ребёнком.

Сегодня я в гостях у одной удивительной и замечательной мамы, моей очень хорошей знакомой. Зовут её Виктория, и на мой взгляд она очень позитивная, умная и мудрая женщина. Вика является мамой необыкновенного человека, и она хочет поделиться своим опытом: как ей удаётся до сих пор продолжать работать с таким необычным состоянием сына. Сын Виктории Денис страдает расстройствами аутистического спектра.

Мы поговорим как раз о том, как можно жить, радоваться жизни, чувствовать себя на высоте позитива, определённой волне развития и обучать ребёнка, успешно помогая ему в такой непростой ситуации.

Эту книгу я хочу рекомендовать специалистам, родителям, всем, у кого есть такие необычные дети, нуждающиеся во всесторонней помощи и комплексном подходе. Как может мама повысить эффективность коррекционного процесса

в домашних условиях, поднимая на особую волну развития своего ребёнка. Как в случае неудач не уйти в депрессию, воспитать в себе упорство.

Виктория делится своим опытом с нами. Она непрерывно помогает Денису тем, что активно взаимодействует со специалистами, и у неё хорошие результаты.

И я задам свой первый вопрос: с чего вы начали свой путь? Ведь когда рождается ребёнок и мама начинает замечать, что у ребёнка с определённого возраста проявляются не те реакции, она идёт к врачу, и ребёнку ставят диагноз: аутизм.

Конечно же первая реакция – это боль, шок, страх, неприятие.

Мама задаёт вопросы: «Что делать? С чего начать? Кто сможет помочь?»

Наступает жуткое отчаяние. Аутизм неизлечим, так говорят врачи.

Я попросила Вас, Виктория, рассказать о своём опыте в данной ситуации. Как не отчаяться, мобилизовать себя и начать действовать, несмотря на диагноз врачей? Я знаю, что всю жизнь Вы верили, что его можно адаптировать, и эта вера дала плоды.

Верили ли Вы официальным диагнозам? Или всё-таки верили в себя и в сокрытые внутренние силы ребёнка?

Аутизм закрывает ребёнка от мира. Ребёнок не проявляет к людям интереса, у него нет потребности в общении. При нормальном физическом здоровье бывает очень сложно сквозь эту стену проникнуть.

Каким образом Вам удалось дать ему возможность открыться и наладить контакт с окружающими людьми? Как Вы содействовали процессу обучения своего сына?

Насколько плотно следовали рекомендациям специалистов?

Я хочу выразить огромную благодарность Виктории и Денису за то, что они согласились дать так много полезной информации в рамках данной темы и пожелать им успехов в преодолении всех жизненных трудностей.

А Денису хочу пожелать дальнейших творческих достижений в освоении компьютерных программ и исполнения его большой и самой сокровенной мечты.

Вы смелые ребята и большие молодцы! Благодаря вашему опыту мы видим, что в самых безнадёжных ситуациях, сужающих границы возможностей для ребёнка, побеждает безусловная любовь родителей, которая творит чудеса, и достигается высокий результат.

Мы видим, что родители Дениса все эти годы оказывали своему ребёнку помощь, активно сотрудничая со специалистами разных областей. Они вместе прошли тяжёлый, трудный путь и продолжают следовать дорогой любви!

*Логопед
Елена Митрофановна Куликова*

Необъяснимое событие

Прими как данность ты от Бога
Дитя, упавшее из рук.
Не может быть усилий много,
Чтоб исцелить его недуг.

*Наталья Вайман,
Владимир Шишкарёв*

Эта книга задумана как история восстановления личности моего горячо любимого сына. Я решила поделиться своим опытом с родителями, которым ещё предстоит пройти этот нелёгкий путь.

В нашей семье произошло неприятное, необъяснимое событие. Наш умный, красивый сыночек заболел какой-то странной болезнью.

До болезни Денис был спокойным, полноватым, немного неуклюжим ребёнком. Отличался повышенной чувствительностью и наблюдательностью. Играя с детьми в песочнице, восхищался песком и камешками. Какие они красивые, как сверкают и переливаются на солнце! Дети подходили к нему, внимательно слушали, удивлялись и тоже изумлённо разглядывали обычный песок и камни.

Казалось, он видел мир другими глазами. Каждый день его что-то восхищало и удивляло. Это мог быть яркий цветок, упавший листок клёна, тёмные ветви на фоне заходя-

щего солнца, причудливые облака. И потом он брал белый лист бумаги и с увлечением рисовал сказочных персонажей, ярко раскрашивая цветными карандашами.

Но мы не особенно удивлялись. Нам казалось, что в детстве все дети — великие художники и музыканты. После посещения храма Денис рисовал купола церкви, людей.

Отец Александр Мень говорил, что на литургии дети быстро устают. Поэтому ребёнок может побыть какое-то время в храме, послушать песнопения, молитвы, а когда устанет, можно погулять в церковном дворе.

Летом отец Александр советовал нам, молодым мамам, посещать замечательные лекции удивительного детского доктора, нашей прихожанки, маленькой, голубоглазой Ады Михайловны Тимофеевой. Лекции были интереснейшими и крайне полезными.

В летнее время мы жили у родителей мужа. Рядом были дачи известных и именитых в то время людей. Они приходили к свекрови за молоком и, если видели нашего сына, то потом знакомились со мной и приглашали нас в гости.

Денис нравился своей необычностью и воспитанностью. Дети любили с ним играть, и родители просили отпустить к ним ребёнка.

Как-то решили сходить в зоопарк, думали, что ребёнку будет очень интересно. Но когда он увидел маленьких обезьян, то очень расстроился и горько заплакал.

— Давайте возьмём обезьянок домой! Здесь плохо, грязно!

— А чем ты будешь кормить?

— Зелёными листиками!

Ещё вспоминается, что не любил ходить в детский сад. Каждый раз надо было рано вставать, приходилось будить, уговаривать, одевать.

По дороге почему-то всегда встречали старого низкорослого татарина. Он стоял возле своей калитки и каждый раз говорил:

— Здравствуй, Дениска! А куда ты идёшь?

— Ибаботу! (На работу).

— А кем ты там работаешь?

— Дениской Шиловским!

Мы спрашивали ребёнка:

— Почему тебе не нравится в садике? Там много детей, игрушки, игры, качели.

И неожиданно услышали:

— Мне не нравятся воспитательницы, они громко кричат! А иногда мне кажется, что вместо рук у них плётки!

Малыш нравился всем, особенно почему-то взрослым. Такой обаятельный, такой умный!

И вдруг всё резко изменилось. Как будто включили и выключили свет. Был один мальчик и стал другой — непонятный и странный. Сидит в одиночестве, низко опустив голову, что-то шепчет, играет с какими-то палочками, а иногда раскачивается в разные стороны.

Мы подходили, обнимали, тормошили, уговаривали, но казалось, что он нас не видит и не слышит. Как маленький Кай в ледяном царстве из сказки «Снежная королева».

Мы громко по несколько раз повторяли один и тот же вопрос. Отвечает не сразу, нехотя, односложно. После ответа снова опускал голову и что-то шептал.

Наша семья была испугана. Что же происходит? Может, ребёнок плохо слышит? Какое-то осложнение на уши. Отит. Надо срочно показать специалистам: терапевту, отоларингологу! Сходили, показали, осмотрели. Всё оказалось в полном порядке, в норме.

Родители мужа пригласили священника, отца Александра Меня посмотреть на Дениса и посоветовать, что нам делать в этой ситуации. Приехал батюшка, шумный, весёлый, взял Дениса за руку и ушёл с ним в комнату, где, по-видимому, молился.

Что там происходило? Мы сидели и ждали. Через некоторое время отец вышел к нам. Он был сосредоточен и серьёзен. Сказал, что бывают болезни, с которыми надо

жить всю жизнь. Будут взлёты, падения, что-то будет получаться, что-то нет, но каждый день надо вставать и начинать всё сначала. Делать с молитвой маленькие шажки.

В дальнейшем всё было непонятно и страшно. Где-то внутри всё сжалось, в душе поселился страх.

Мне пришлось оставить любимую работу специалиста по лечебному массажу и полностью заняться ребёнком.

Когда приехали с ребёнком на работу, где я писала заявление по

собственному желанию, Денис нарезал круги по кабинету врача и громко кричал одно и то же слово:

— Аскорбинка, аскорбинка!

Врач стояла возле стола и растерянно говорила:

— Наверное, это он меня так называет!

Обратились к психиатру по месту жительства. Было назначено медикаментозное лечение. Но мальчик оставался в прежнем состоянии, и улучшений не было.

Попросили совета отца Александра Меня. Он решил, что ребёнка должен осмотреть известный московский психиатр, и передал для неё записку с просьбой о помощи.

После осмотра нам сказали, что ребёнок страдает аутизмом, находится в тяжёлом состоянии и вряд ли выйдет из своей скорлупы.

Показали психиатру последние детские рисунки, которые были нарисованы чёрной краской. Мрачные рисунки

сливались, смешивались с друг с другом. Страшная, тягостная картина!

Снова было назначено лечение.

Но вердикт известного психиатра меня почему-то не испугал. Где-то в глубине души теплилась крошечная надежда, что мы победим!

И отец Александр успокоил и сказал:

— Всегда надо надеяться, верить и молиться. К этому обязывает ваше второе, данное в крещении имя Вера.

Тогда, после крещения отец Александр Меня пошутил:

— Теперь у вас, как у индейца, два имени: Виктория в миру, а Вера — тайное имя.

Через некоторое время семья стала замечать, что малыш стал хуже разговаривать или совсем молчит.

Временами отмечалось неадекватное поведение: выливал с балкона одеколоны, духи, шампуни, выбрасывал украшения и всякие предметы.

На замечания не реагировал, продолжал бесцельно носиться или молча сидеть и повторять одну и ту же фразу. Когда прислушалась, то слышала:

— А немцы остались на далёком острове.

Меня осенило, что, по-видимому, малыш испытывает какие-то страхи, живёт в своём непонятном мире, боится чего-то страшного, не может от него избавиться, и нам, взрослым, нужно прийти ему на помощь, а как это сделать, не знала.

Как-то раз во время церковной службы Денис был особенно беспокойным и агрессивным и, когда хотела подойти с ним к чаше, чтобы он смог причаститься, мешал и отталкивал меня. Я стояла в растерянности и не знала, что делать. Батюшка обратился к пожилым прихожанкам:

— Кто из вас постится по понедельникам? Подойдите к этому мальчику и подведите его к чаше, чтобы он смог причаститься святых Христовых тайн.

Одна неприметная старушка подошла к Денису и подвела к батюшке. На какое-то время он притих и стал поспокойнее.

Выходя из храма, мы столкнулись с высоким пожилым человеком, Владимиром Дмитриевичем Гавриловым, врачом по профессии. Посмотрев на Дениса, он радостно воскликнул:

— У вашего сына светлое, одухотворённое лицо, и я верю, что в будущем он станет хорошим человеком, необыкновенной личностью!

После таких ободряющих, полных сочувствия слов я не выдержала и расплакалась.

Впоследствии Владимир Дмитриевич частенько помогал нам советами и дружески нас поддерживал. А когда просил нас, молодых женщин, помочь по хозяйству, то мы всегда старались приехать с детьми и что-то сделать для него. С дамами он был очень вежлив и галантен, каждой говорил комплименты, самые некрасивые в его присутствии становились красавицами. Мы очень любили и уважали этого прекрасного человека.

Слова поддержки, сочувствие очень помогали нам. Каждый день просыпаться со слезами, думая, что же будет дальше, было невыносимо. Как жить, если даже врачи не знают, выздоровеет мой сын или нет.

Однажды родственница мужа пригласила нас с Денисом поехать под Евпаторию, в город Черноморск. У неё был сын такого же возраста. С радостью согласилась, но лечащий врач сына не хотела нас отпускать, опасаясь осложнений из-за перемены климата, изменения состояния в худшую сторону и т.д. Но потом передумала, сказала, что у матери с сыном тесный эмоциональный контакт, и, может, всё изменится в лучшую сторону.

С родственницей моего мужа Любой и её сыном Максимом мы встретились в поезде. Денис безучастно сидел в уголке купе и не обращал ни на кого внимания. А Максим, напротив, оказался живым и подвижным ребёнком, с бешеной скоростью носился по вагону, и мы не могли его остановить. Потом детей уложили на верхней полке, напоили валерьянкой. За окном они увидели пролетающие

листья с деревьев, стали их жалеть и плакать и наконец-то уснули.

В Черноморске поселились в небольшом деревянном домике, рядом грядки с помидорами, а за ними настоящий берег и море! Ласковое, тёплое, бескрайнее и бесконечное!

Ночью был отчётливо слышен шум волн, и казалось, что если будет огромная волна, то она смоет наш домик, как ненужную песчинку!

Сын Любы Максим постоянно бегал возле нас с пластмассовой саблей. Только Денис привычно устроится в каком-нибудь уютном месте и начинает раскладывать свои любимые предметы по порядку, как весёлый Максим с громким криком, размахивая пластмассовой саблей, устремлялся на него. Денис пугался, вскакивал, убегал, Максим бросался за ним, толкал, кричал, угрожал расправиться в два счёта! Бедный ребёнок со всех ног бежал к нам.

Мы тоже кричали, разнимали, утешали и не знали, как остановить Максима. Туристы, отдохавшие с нами, и хозяйка делали замечания Максиму и жалели несчастного Дениса. Максим плакал, просил прощения, а на другое утро упорно продолжал бегать за Денисом!

Ситуация ухудшалась с каждым днём. Крики, уговоры, плач, смех сквозь слёзы.

Но постепенно стали замечать, что это преследование пошло Денису на пользу. Он перестал уединяться! Сидел с нами на песке, смотрел на море, провожал взглядом проплывающие корабли и лодки и даже бросал камешки в воду!

И потом внезапно заговорил, обращаясь к нам. В руке он держал зелёное гладкое яблоко. Он сказал, что сорвал его с ветки, что оно красивое, зелёное, и можно попробовать, какое оно на вкус.

Это была маленькая победа. Он сказал сразу несколько предложений! Ведь до этого почти не разговаривал, не считая односложных — «да» или «нет».

На радостях мы пошли гулять по степи, а потом решили купить морской рыбки. В магазине продавщицы стали

восхищаться чёрными кудрями Максима. Отставив в сторону ногу, довольный Максимка помалкивал, а Денис вышел вперёд и сказал:

— Вот такие парни живут в нашей стране России!

И все дружно рассмеялись.

После отдыха Денис разговаривал и отвечал на вопросы, но через некоторое время снова стал беспокойным и тревожным, хотя принимал лечение. Если что-то терял из своих любимых предметов, то были крики, плач, кидались вверх и вниз разные вещи, пока не был найден пропавший предмет. Отец Александр нас успокаивал, что лекарства, если принимать с молитвой, тоже чудо. И однажды рассказал об одной семье, где ребёнок был очень агрессивным и постоянно всё рушил и ломал. Прошло время, он вырос, выучился и стал известным учёным и выдающейся личностью.

Однажды по дороге на новодеревенские пруды мы заехали в храм. Отец Александр радостно нас приветствовал и поинтересовался, как дела у Дениса. Я сказала, что сейчас наш путь будет проходить мимо кладбища, а Денис очень этого боится, и потом его долго надо будет успокаивать.

Батюшка поднял руки над головой Дениса и помолился. Мы молча стояли рядом. Когда мы проезжали мимо кладбища, Денис как будто его не заметил и был спокоен.

То же произошло и на обратном пути.

Очень нам помогала прихожанка отца Александра Нинель Ионтельевна Непомнящая, профессиональный психолог, доктор наук. Когда мы встречались у друзей, то я заметила, что Денис всегда подсаживался к ней поближе, рисуя пастелью на огромном листе бумаги. И вроде бы не обращает на неё никакого внимания.

Как-то раз она попросила показать все предметы в книге, все, что он видит и назвать. Он назвал и показал все предметы, кроме человека! Как будто на картинках его не было! Все удивились. Это было непонятно и странно.

Обратилась к ней за помощью, помочь в воспитании сына, подкорректировать. Но первое время она не хотела заниматься, так как ей не нравилось его состояние. Требовалось изменить лечение. И посоветовала обратиться в ВЦПЗ.

Помогал нам тогда совсем молодой врач Сергей Владимирович Илюшенко.

К нему всегда можно было обратиться за помощью и советом. Он искал для нас специалистов, созванивался, договаривался с ними о встрече. К одному известному психологу мы приехали домой, но в коридоре Денис увидел на вешалке милицейскую шинель, испугался, стал кричать и обзывать психолога плохими словами, я даже удивилась, потому что сама так никого не обзывала. Мы не смогли его успокоить, и пришлось увезти домой.

Поэтому, когда Нинель Ионтельевна посоветовала обратиться за консультацией в ВЦПЗ, то мы договорились утром встретиться с Сергеем Владимировичем, и он проводил нас с Денисом до дверей Центра, успокаивающе улыбнулся и побежал в мединститут.

У регистратуры малыш вырвался из рук, забежал за спину женщины-регистратора. А на стене висела политическая карта мира, и он стал показывать страны, громко называя их. Женщина онемела от изумления, но потом опомнилась и стала выговаривать мне, чтобы я забрала ребёнка и приходила в следующий раз. Так как у нас оказалось не направление, а выписка из истории болезни.

На шум и крики подошёл молодой, улыбающийся врач и спросил шутливо:

— Что за шум, а драки нет?

Выслушал возмущённую регистраторшу, всех нас успокоил, сказал, что всю ответственность берёт на себя, а ребёнка надо срочно записать и показать детскому доктору!

В кабинете сидели две женщины, одна из них позвала Дениса, но он побежал к другому врачу. Она молча сидела за столом и раскладывала цветные картинки. Так же молча он подсел к ней и стал рассматривать картинки. На наши окрики, уговоры не обращал никакого внимания.

Детского доктора звали Вера Михайловна Башина, автор книг «Ранняя детская шизофрения», «Ранний детский аутизм». Каким-то непостижимым способом он сам выбирал специалистов!

После назначенного лечения малыш стал поспокойнее, и Нинель Ионтельевна дала согласие позаниматься с Денисом.

Перед нашим приходом она гуляла по лесу и придумывала для нас игры и спектакли. Она давала задания, мы купали игрушки, которые становились персонажами положительными, отрицательными, был персонаж, похожий на Дениса сейчас, и персонаж, каким он будет в будущем. Чаще всего играли в школу, обыгрывали все ситуации, которые могут происходить: игры на переменах, драки, обиды, посещение больного ученика, решение задач и многое другое. И мы проигрывали эти спектакли по несколько раз. Было очень интересно и увлекательно! Денису тоже нравилось играть. Постепенно он менялся в лучшую сторону.

Однажды мы возвращались после занятий с психологом. Денис был не в лучшем состоянии. Очень возбуждён. Увидев толпу народа в электричке, он помчался по вагонам. Я едва поспевала за ним. В предпоследнем вагоне сидели отец Александр и Карина Черняк и мирно беседовали. Мы с Денисом, никого не видя, мчимся мимо них. В тамбуре дверца не открывалась, Денис подергал её и решил выскочить в боковую дверь, но она перед его носом захлопнулась, и он медленно возвратился в вагон.

И тут мы видим батюшку и Карину! Отец Александр улыбается нам и говорит:

— Я знал, что вы к нам вернётесь.

Денис успокоился и сел рядом. Отец Александр показал нам письма и сказал, что по дороге домой всегда отвечает на многочисленные письма. Затем он стал говорить о том, что важно беречь время и в детском возрасте важно вложить как можно больше знаний в голову ребёнка.

Помогал нам и журналист Сергей Бычков. Перед тем как пришла пора идти Денису в школу, он пригласил нас в гости и дал на длительный срок большую книгу с красивыми картинками о храбром мышонке в бирюзовых штанишках с пуговицей посередине. Этот мышонок путешествовал со страницы на страницу и учил буквы алфавита.

И мы вместе с мышонком учили буквы, попадали в различные переделки и выходили сухими из воды. Денису сшили такого же мыша-друга. Иногда он терялся, падал в воду, грязь, тогда начиналась паника, крики, слёзы и приходилось шить другого, третьего, четвёртого, появлялся новый чистый мыш и мы продолжали учить буквы вместе. На какое-то время этот мышонок стал близким другом Денису и помогал ему учиться.

Годы учёбы

Прошло время. Так играя и занимаясь, мальчик постепенно стал готовиться к школе.

Рассказали учительнице об аутизме, о необычных детях. Она очень удивилась, в сельской школе необычные дети не учились.

Потом я подарила ей книгу Буянова о детской психиатрии, рассказала о детях, страдающих аутизмом.

Учительница оказалась хорошим человеком и с пониманием отнеслась к необычному ребёнку. Отец Александр посоветовал покупать учительнице продукты, чтобы была более внимательной.

Таким необычным детям не так-то просто ходить в школу. Наш сын не обращал внимания на одежду, ему было всё равно, как одет, не хотел надевать носки, не получалось зашнуровывать ботинки, поэтому надо было проследить, чтобы он не отличался от других детей! Потом купили ботинки на липучках, и проблема с обувью была решена.

Если кто-то был дома, Денис говорил:

— Ну всё, я пошёл!

Ему говорили:

— Счастливо! До свидания!

Потом он возвращался и снова говорил:

— Я пошёл!

И снова с ним прощались.

В школу шли быстро, но перед воротами сын всегда останавливался и продельвал стереотипные движения. Так как я всегда объясняла, что с ним происходит, то он, когда останавливался, говорил:

— А сейчас начнутся стереотипные движения!

Махал руками, подпрыгивал, потом проходил.

Первое время он очень уставал на занятиях, перевозбуждался, начинал беспричинно смеяться и не знал, что делать. Тогда в его карманы я положила несколько носовых платков на случай, если один потеряется, и посоветовала зажимать рот платком. Этот простой совет сработал.

На детском празднике случайно услышала, как учительница рассказывала другим учителям о Денисе.

Она не любила, когда дети обманывали, и очень сердилась. На занятия дети забыли принести новые тетрадки, хотя она повторяла несколько раз! Учительница обошла всех учеников и каждому задала вопрос: почему не принёс новую тетрадь?

Дети придумывали какую-нибудь причину и говорили неправду. Она сильно разгневалась и, когда подошла к Денису и спросила:

— Где твоя тетрадь?

Он поднял голову, испуганно посмотрел и вдруг сказал:

— Я люблю тебя!

И учительница с удивлением рассказывала, что гнев мгновенно пропал, осталось удивление и какая-то непонятная радость!

В школе мальчик увлёкся паровозами, поездами, постоянно рисовал одно и то же. Купили железную дорогу, часами разглядывал, играл, иногда мы с ним играли. Так как он был увлечён и постоянно рассказывал, что прочитал о поездах, то мы пели детские и взрослые песни: «Голубой

вагон», «Наш паровоз, вперёд лети». А одно стихотворение даже запомнилось:

Ты видишь поезд вдалеке.
Он по стальной дороге
Бежит, как слово по строке,
Разбитое на слоги.

Мне кажется, что мы поступали правильно, что по-разному, со всех сторон обыгрывали с ребёнком тему о поездах, не давая ему заикливаться на одном.

Продолжали учиться в школе. Увлёкся чтением энциклопедий. Читал, разглядывал картинки, что-то срисовывал, записывал в тетрадках.

Потом появилась энциклопедия о насекомых. Ребёнка поразили жуки всех размеров, всех цветов. Он с восторгом их разглядывал, читал, рисовал карандашами, красками, мелками, рассматривал живых жуков через лупу.

А потом друзья Саша и Наташа Андриюшины слепили из пластилина красочных жуков. Денис ни на минуту с ними не расставался, везде с собой таскал! Так жуки просочились в школу. Дети с любопытством их разглядывали, трогали и заинтересованно слушали Дениса. И потом стали приходиться посмотреть на жуков в энциклопедии.

Дома было много диафильмов со сказками, детскими фильмами. После знакомства с жуками дети смотрели фильмы, что-то ели, комментировали увиденное, и все были довольны.

Денис никогда не рассказывал, что происходит в школе, все разговоры только о том, что его интересует в данное время. Поэтому было интересно послушать обычных детей о разных делах, школьных событиях. Дети рассказали, что боятся старшеклассников.

Решили с мальчиками делать гимнастику, чтобы стать сильнее и увереннее и не бояться драчунов. Мы занимались на площадке, и только Денис, как всегда, был в стороне, хотя на этот раз бегал кругами вокруг нас. В школе часто происходило что-то интересное: детские праздни-

ки, спектакли, но если было что-то связано с надеванием масок на лица, то он категорически отказывался смотреть или убежал. Боялся закрытых лиц!

Как-то в первых классах надо было идти на новогоднее представление. Посоветовалась с психологом, что нам делать, если перевозбудится, и какой купить костюм.

Потом с подругой одели сынишку в костюм весёлого карандаша. В то время Денису нравилось говорить, окая, слова с ударением на о. На новогодней ёлке он читал стихотворение, сильно окая, всем очень понравилось, смеялись, и заработал приз от Деда Мороза!

Через некоторое время стал беспричинно смеяться, прыгать, всех тащить по кругу, и получил второй приз, как самый весёлый карандаш!

После второго приза некоторые дети стали возмущаться, что не получили второго приза. А мы с подругой схватили в охапку весёлого карандаша, так как после возбуждения он сильно уставал, еле двигал ногами, и поспешили с подарками домой!

Учиться такому ребёнку было нелегко, иногда он выглядел таким уставшим, истощённым, как шарик, из которого вышел воздух, что приходилось чуть ли не на себе его тащить вместе с ранцем, или стояли, отдыхали, а потом продвигались мелкими перебежками.

Зато дома его всегда ждал любимый томатный сок или спагетти с кетчупом или просто помидоры с жареной картошкой.

А вот некоторые продукты, как варёные яйца, салаты, селёдка, солянка, вареники, он почему-то не ел, а от некоторых продуктов категорически отказывался! Почему, не могу объяснить. Но вот томатный сок мог пить каждый день, и поэтому мы покупали сок трёхлитровыми банками.

После начальных классов Денис перешёл на индивидуальное обучение. Одноклассники нам рассказали, что его стали обижать старшеклассники, они что-то обидное ему

говорили, обзывали, он не молчал, что-то отвечал. Старшеклассникам это не нравилось. Они стали заклеивать ему рот пластилином. Денис, как всегда, ничего не рассказывал, а говорил только о своих увлечениях.

Я поблагодарила детей. Сказать, что расстроилась, этого мало. Если можно так сказать, кипела от негодования, от такой несправедливости.

Решили с учителями, что мальчик будет учиться индивидуально, хотя на отдельных предметах он сидел вместе с другими учениками.

Когда прочитывал учебник, то потом по памяти мог многое рассказать из прочитанного. Однажды я вместе с сыном присутствовала на географии, учителя куда-то позвали, он велел Денису пройти к доске и продолжать рассказывать дальше. Денис вышел и очень интересно пересказал, что было написано в учебнике.

По истории он иногда даже спорил с учителем, так как дома прочитал историю религий, и у него были свои взгляды на жизнь.

Если Денис приходил со мной на занятия, он занимался с учителем, а я старалась помочь одноклассникам обратиться в классе.

Да, ещё одним из увлечений сына были политические, географические, топографические карты. Он мог разгля-

дывать их часами, а потом сам стал составлять карты на местности.

А потом, после 13 лет, началось так называемое бродяжничество. Дома Денис рисовал карту местности, куда собирался уехать, потом оставлял подробную записку или письмо, какие места собирается посетить и что будет там делать. И в каникулы проезжал всю Московскую область. Если надо, пересаживался на другую электричку и ехал в другую область. Выходил на нужной станции, собирал гербарий, брал почву и дома проводил исследования. Какие-то опыты, рисовал, записывал. В Пензенскую область ездил два раза. На станции Заметчино его заметила киоскёр и спросила:

— Ну что, москвич, опять за газетой приехал?

А это было за 400 километров от Москвы.

Изучение ботаники, а потом биологии переросло в новое увлечение. Стал особенно увлекаться флорой и фауной, и нам ничего не оставалось, как отдать в его полное распоряжение закрытую беседку. В беседке появились коробочки всех размеров, банки, склянки, пробирки. Все эти сокровища заполнялись пробами с разных земель, растениями, насекомыми. Исследовав Московскую область, направился покорять другие земли.

Для нашей семьи этот период Денискиных исследований был тяжёлым. Мы очень переживали, но остановить его не могли. Никакие уговоры, разъяснительные беседы не помогали. Он уезжал и всегда оставлял подробную записку о своём пребывании в данной местности.

Постоянно наведывались в милицию, принесли фотографию сына. Звонили каким-то знакомым, кого-то просили присмотреть.

Один знакомый военный врач, Володя, по нашей просьбе приехал серьёзно поговорить с Денисом. Постучался в беседку, но сын не открыл, сказал, что очень занят и нет времени для разговора.

А вот ещё важное обстоятельство о котором хочу рассказать. Когда у мальчика резко изменилось поведение,

нашим родителям трудно было понять, что с ним происходит, и они делали замечания, ругали, пытались как-то изменить его поведение, конфликтовали из-за этого с нами, и нам всем стало тяжело жить вместе, просто невыносимо. Когда малыш заболел, одна мудрая женщина меня предупредила, что будут глобальные перемены в семье.

Кто-то не выдержит такой колоссальной нагрузки, и придётся с этим мириться и жить дальше. Она поведала, что в четырнадцать лет её сын получил тяжёлую травму головы и после этого кардинально изменился. Её муж не выдержал болезни сына и ушёл от них. Она все испытания выдержала, героические усилия не пропали даром. Мальчик долго лечился и даже смог продолжать учёбу, и впоследствии стал членом Союза художников и принимал участие в начертании герба России!

Эта замечательная женщина передала нам большие, тяжёлые книги по детской психиатрии.

— Мне они больше не понадобятся, сын вырос, а вам предстоит идти долгой дорогой любви! — сказала она.

Через некоторое время мы стали жить отдельно от родителей, в собственном доме. На участке Денису понравилось. В летнее тёплое время без обуви, в одних колготках, вылезал из окна кухни и с кружкой бегал по кустам, собирая ягоды.

В дальнейшем мы выделили ему отдельную комнату.

Для необычных детей очень важно личное пространство. И, конечно, шкафы, столы, куда он сможет разместить своё богатство: коробки, книги, карты, картинки, вещи и любимые предметы.

Когда всё накапливалось в огромных количествах, мы потихоньку что-то выкидывали, что ему было не нужно, иначе в комнату было бы невозможно зайти. Но уборка делалась, когда ребёнка не было дома.

Когда приходила моя мама и пыталась у него убраться, то он не разрешал, объясняя, что из-за неё может пропасть что-то ценное.

Иногда из цветных лоскутов материи сын шил костюмы шута, клоуна или звездочёта. И когда к нам кто-то приезжал, а Денис был в хорошем настроении, то он неожиданно выскакивал в шутовском костюме и прыгал или раскачивался. Это называлось повеселить людей или детей.

Одежду сына вешали в отдельный шкаф в другой комнате, так как временами он навешивал на свои шкафы замки и цветные нитки, чтобы любопытные родственники не залезли и не утащили что-нибудь нужное.

О приходе родственников или друзей надо было предупреждать заранее, чтобы не нервировать ребёнка. Это нарушало его распорядок дня. Он становился тревожным, выскакивал из входной двери и бегал по участку.

В нашем доме всегда проживали какие-нибудь животные: кошки, хомяки, собаки. Мы всегда заботились о животных, кормили, мыли, лечили от блох, возили в ветеринарную клинику, называли по именам и разговаривали с ними. Они отвечали нам взаимностью. И Денис пытался нам подражать. Когда его просили, кормил брошенных кошек, которые время от времени проживали у нас на участке. Одну кошку прозвал Розой. Она шипела, выпускала колючие шипы, но терпела заботу мальчика, а он кормил её и разговаривал с ней. Потом прибилась другая, четырёхцветная маленькая кошечка с огромными жёлтыми глазами, очень голодная и испуганная. Как потом оказалось, на сносях. И мы слышали, как сын ласково выговаривал:

— Кто же тебя оприходовал в подростковом возрасте? И ещё неизвестно, как пройдут роды. Ведь ты ещё девочка!

Как-то раз из ветеринарной клиники после операции привезли нашу домашнюю белую кошку Лису в белом комбинезоне с розовыми клубничками. И спящей после наркоза положили на коврик. За ней нужен был присмотр. Но вдруг неожиданно муж поранил палец руки и надо было срочно ехать в травмпункт вместе. Денис испугался, что придётся ухаживать за Лисой. Она проснулась и пыталась ползти. Но, видя, что нам срочно надо уезжать, сын

с тяжким вздохом взял Лиску в комбинезончике, как ребёнка, на руки и стал качать.

Последняя кошка, Сонька показалась старой из-за грязной шерсти. Денис снял с её шеи рваный тонкий ошейник и помыл животное специальным шампунем для кошек.

А потом Володя Шишкарёв с Наташей Вайман забрали её к себе, а когда отвезли в ветеринарную клинику, то старая кошка оказалась крупным котёнком мейн-куном. И принесла им много радости и нерастраченной любви!

В прошлые годы Володя Шишкарёв, музыкант и композитор, автор зна-

менитой детской песни «В ночном саду» оказал нам неоценимую помощь, повлияв на формирование личности ребёнка в музыкальном плане. Он приходил в гости с пластинками классической музыки, и когда звучала дивная музыка, то обращал наше внимание на одухотворённую живую природу, говорил о красоте мира, быстротечном времени и о том, как неслышно шагает вечность.

Это было так прекрасно!

Малыш познакомился с «Временами года» Вивальди, Шестой симфонией Чайковского, «Тремя апельсинами» Прокофьева и многим другим. Но особенно поразила и восхитила детское воображение 40-я симфония Моцарта, под которую он пел и приплясывал, и мог слушать её по много раз.

И сейчас Володя уважительно называет нашего сына по имени и отчеству, всегда интересуется его делами и внимательно, не перебивая, выслушивает его длинные монологи.

Ещё вспоминается, что когда ездили к детскому профессору, то время от времени она советовала оставить в больнице ребёнка, чтобы мы могли перевести дух, то есть отдохнуть. Но я всегда отказывалась, вспоминала, что эти дети живут в своём мире и испытывают непонятные страхи. Из тоненькой брошюрки по детскому аутизму я узнала, что необычных детей надо часто к себе прижимать и говорить ласково и спокойно, что всегда будем рядом и всегда будем защищать. Поэтому я боялась ребёнка куда-то отправлять одного, чтобы не ослабевал наш эмоциональный контакт. И когда предложили отправиться в Тэзе вместе с сыном, то мы с радостью согласились. Это совсем другое. Он будет не один.

Маленькая деревушка Тэзе находится во Франции между Маконом и Лионом. Была собрана небольшая группа из женщин и детей-подростков. Дома Денису дали немного денег, и в Польше, в городе Вроцлаве, мы побродили по красивому городу и забрели на рынок, где сынок купил корзинку с экзотическими фруктами, и мы с удовольствием полакомились. Женщины-паломницы выговаривали нам, что это расточительство, и лучше бы приобрели какие-то сувениры.

В автобусе Денис смотрел в окно или рассматривал атлас мира и ни с кем не общался из сверстников. А если дети его о чём-то спрашивали, отвечал и снова занимался своими делами.

На польской границе из-за трещины в лобовом стекле пограничники нас не пропустили. Мы были в отчаянии. Но гид не растерялась, сходила в костёл, и ксёндз дал письмо своему брату, который живёт в немецком городке, рядом с границей. У него мастерская, и стекло могут заменить. Все очень обрадовались, дети громко кричали

и смеялись. И только Денис невозмутимо сидел рядом и что-то писал в блокнот.

На границе нас пропустили, мы проехали мимо городка, где жил брат ксёндза, и, не заезжая, покатали дальше. Вдруг услышали вой сирен, все испугались, что мчатся за нами. Но полицейские, пожарные и скорая помощь промчались мимо! Оказалось, впереди была авария.

В Тэзе нас поместили в отдельную комнату, и Денис с увлечением стал рисовать карту местности, чтобы потом всё осмотреть и исследовать. В столовой его посадили с детьми из Германии, больными олигофренией. Рядом сидела девочка, которая хорошо говорила по-русски. С родителями она жила в Оренбурге, а потом её отправили к бабушке в Германию. Но Денис не хотел с ней общаться. Его спросили:

— В чём дело? Очень хорошая девочка!

— Мне неинтересно слушать! У меня много дел, а она будет отвлекать пустой болтовнёй!

Вот и поговорили.

Мы все ходили гулять по окрестностям, Денис бежал впереди, но если был далеко от нас, останавливался и ждал. Каждый день он выбирал новый маршрут, и ему хотелось всё рассмотреть и потрогать руками, и продолжал бежать впереди. Мальчик ни с кем не хотел знакомиться и дружить. Ни к кому из людей не проявлял интереса, и только в столовой, когда предлагали добавку, оживлялся и никогда не отказывался.

Самое интересное, что Денис придумал стишок про деньги на английском языке, и если рядом был кто-то из немцев или французов, то они всегда смеялись, некоторые хлопали по плечу и давали франки или марки, евро тогда не было. При этом он не обращал на них внимания. А одна паломница сказала:

— С голоду не помрёт.

Перед литургией красиво звонил колокол, Денис выскакивал и начинал кружиться вокруг храма, выражая свой восторг.

Молодая немецкая женщина, по профессии психолог-дефектолог, заинтересовалась необычным мальчиком, дома она писала дипломную работу и хотела подружиться с ним. Но Денис не обращал на неё никакого внимания, не хотел контактировать. Тогда она дала ему десять марок, и мальчик постепенно стал с ней общаться, иногда она просто наблюдала за ним. Через некоторое время прислала копию своей работы на немецком языке, просили нам перевести, и нашли, где она описывала русского мальчика, его поведение, и удивлялась, как, ни с кем не общаясь, он так нравился людям, своей сообразительностью привлекал людей.

Днём, набегавшись по окрестностям, Денис всё записывал и зарисовывал в блокнот, а вечером самостоятельно приходил в кафе, усаживался на высокий стульчик и показывал на рекламном щите, какое хотел попробовать мороженое.

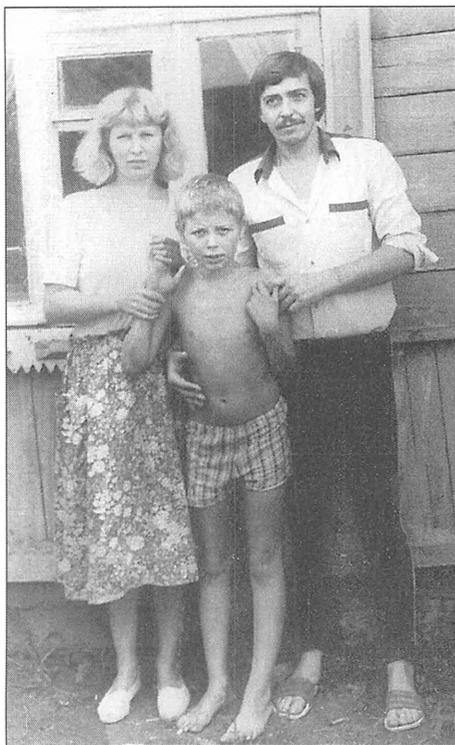
А в столовой он вдруг обиделся на девочку из Оренбурга! Мы даже удивились. Он пришёл и стал искать шапку, а она сказала:

— Зачем ты ищешь? Ты, наверно, шапку обменял на деньги!

Денис стал кричать на неё, и тут подбежала девушка и предложила поесть, принесла вкусной еды, мальчик сразу успокоился и принялся за еду.

На обратном пути по дороге домой мы остановились во французском городе и зашли в «Макдональдс», и не успели оглянуться, а Денис уже стоял впереди очереди и заказал картошку фри, не зная языка. Мы стояли и только разводили руками.

После возвращения Денис продолжал заниматься с учителями. Иногда он ходил самостоятельно, но всё равно мне приходилось следить за его внешним видом. Он мог убежать без носков, в расстёгнутой рубашке, в домашних тапочках или домашней одежде, так как все мысли были заняты интересующим его предметом. Перед уходом топтался на месте и несколько раз повторял:

— Ну всё, я пошёл.

Мы спокойно отвечали:

— Пока, пока! Приходи скорей!

Иногда приходили вместе, и тогда я могла присутствовать на уроке.

Учительница астрономии задавала вопросы, и Денис так увлёкся интересной темой, что не видел и не слышал нас и всё рассказывал, рассказывал, пока мы двойными усилиями не остановили словесный поток знаний. В следующий раз она с опаской спросила:

— Знаешь эту тему?

И, получив утвердительный кивок головой, не стала спрашивать и задала следующую тему, хотя прекрасно знала, что если бы его попросили, то он мог бы процитировать весь учебник, и пришлось бы слушать несколько часов без перерыва.

Денису нравились и другие предметы. Но с литературой было трудновато, его не интересовали отношения людей. Говорил, что скучно и неинтересно. Я старалась прочитать с ним заданные книги, и когда в них затрагивалась военная тематика, описывались битвы, сражения, то он мог до мельчайших деталей поведать учительнице, что там происходило и, конечно, это удивляло.

После школы сын приходил голодный, и если ему нравилось, что мы приготовили, то ел с удовольствием, а если не нравилось, то готовил сам. С детских лет он интересо-

вался приготовлением пищи. Мы не отгоняли Дениса от плиты и всё показали, и с десятилетнего возраста он лихо пёк блины из кабачков и драники из картофеля.

Но за столом сидел отдельно, присутствие других людей его раздражало. И мы не настаивали, чтобы он сидел с нами.

Если кто-то из друзей собирался приехать, то Денису сообщалось заранее, чтобы это не явилось для него неприятной неожиданностью. Когда приезжали гости, он выходил, здоровался и прятался в своей комнате. Если ему нравился разговор, то внимательно слушал, и если кто-то из нас не мог вспомнить дату, месяц или год какого-то события, то Денис из своей комнаты громко говорил, где это происходило, называл месяц, год, иногда даже время, если был с нами в данном месте.

Однажды мы были в гостях, и Владимир Шишкарёв поведал, что на Чистых прудах находится замечательный юношеский центр по информатике. Денис заинтересовался и самостоятельно съездил и всё разузнал. В течение нескольких лет занимался с необыкновенным педагогом Борисом Моисеевичем Штейном. Учитель прекрасно объяснял, сумел найти ключ к пониманию необычных детей и донести до них свои знания. Когда его не стало Денис съездил на кладбище, на его могилу. Штейн учил детей и подростков не только языку программирования. Он научил детей быть грамотными специалистами и смело и уверенно идти к намеченной цели, и добиваться всё новых и новых результатов.

После окончания школы, дома появились справочники для абитуриентов, и через некоторое время сын нам сказал, что поступил в МИРЭА после собеседования.

В этот период он всё время надевал тёмные костюмы и белую рубашку, и туфли без шнурков.

В институте у него появился один друг-однокурсник. Мне запомнилось, что когда Денис сдавал зачёт по культурологии, то долго не приезжал. Я позвонила однокурснику и узнала, что мой сын уже два часа отвечает преподавателю, и тот его не отпускает.

Дома сын рассказал, что преподаватель не мог поверить, что он помнит все даты и события с необъяснимой точностью. После заболевания Денис целый год не разговаривал, а когда речь восстановилась, то была замедленной и немного монотонной. И поэтому преподаватель думал, что студент куда-то подглядывает и потом медленно, не торопясь отвечает. И пытался найти шаргалку и не мог поверить, что студент отвечает по памяти.

В институте не доучился по разным причинам. Во-первых, проживал далеко от института и возвращался уставшим и измотанным. Временами жаловался на головную боль и бессонницу, но продолжал посещать занятия и заниматься дома.

Как-то вечером возвращался из института и компания подвыпивших парней, которые напали на него, сильно напугали его и побили. Институт пришлось бросить, так как сын испугался повторения травмирующей ситуации, появились страхи, долго не мог заснуть.

Возникновение психологического надлома поставило точку на обучении Дениса. Снова посоветовались со специалистами, и было назначено медикаментозное лечение.

К сожалению, такие дети не защищены. Они не могут противостоять обществу и дать отпор. А общество не всегда готово им помогать и понять, как правильно относиться к таким детям, как проявить к ним милосердие, как защитить их.

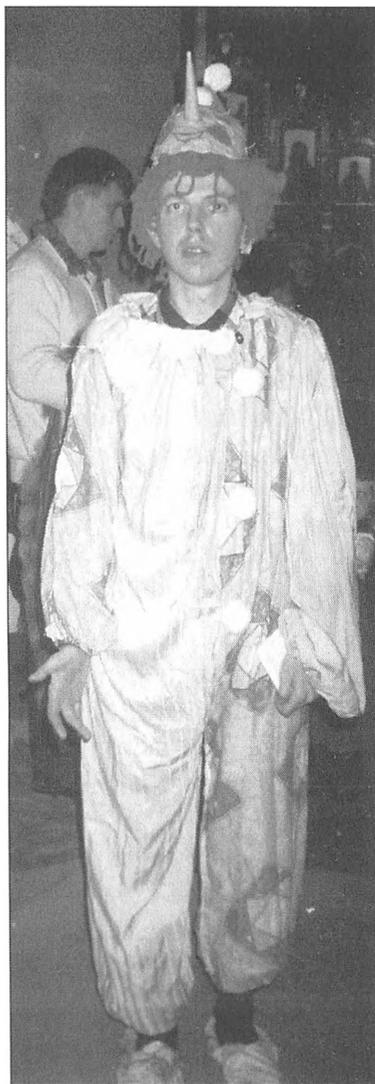
Эти строчки написаны с болью и верой, что эта книга кому-то поможет и научит, как правильно идти по жизни и избежать повторения каких-то ошибок. Наши дети вырастают, становятся взрослыми, и мы, родители, пожинаем плоды. Если в детстве мы что-то вложили в ребёнка, то впоследствии это будет проявляться, и чему-то будем радоваться, чем-то гордиться, а о чём-то сожалеть и плакать.

Логопед Елена спрашивает Дениса об одиночестве, но он искренне отвечает, что ему никогда не скучно, всегда что-то найдётся для души. Нравится паять разные детали, на компьютере писать программы: системные, приклад-

ные, на разных языках. Сын думает, что так можно зарабатывать неплохие деньги, но как это реализовать, не знает. Увлекается физикой, решает формулы и задачи. Для чего? Отвечает: чтобы развить способности, развить творческий потенциал. С подросткового возраста шьёт костюмы клоунских персонажей, чаще всего костюм Петрушки. Елена спрашивает: почему именно Петрушки? Отвечает, что образ Петрушки создаёт атмосферу радости и веселья. И можно вволю подурачиться.

Ещё ему нравится путешествовать, устраивать пикники на природе. В магазине в отделе «Экспедиция» купил рыболовные снасти, стульчик, рюкзак, посуду. Отправлялся на природу к реке понаблюдать за проплывающими утками и всякой птичьей живностью, и всегда один. И рыба почему-то у него не ловится, но зато вечером сыну нравится смотреть передачи по рыболовству.

Ещё Елена интересуется, как Денис умудряется выращивать разносортные тыквы. Оказывается он сам покупал семена тыквы и кукурузы, потом копал грядки, сажал семена и даже полон и поливал, и каждый день смотрел, есть ли какие-нибудь интересные изменения.

И, конечно, Елене рассказали о кошках. Один раз к нам забрёл голодный серо-полосатый кот и с жадностью набросился на предложенную еду. Потом приходил каждый день, ел и убегал. Через некоторое время он заболел и приплёлся к нам умирать, жалобно мяуча.

Мы думали, что сын испугается и уйдёт в свою комнату, но страдания бедного кота тронули его. Мы с Денисом кое-как засунули кота в клетку, и он всю дорогу, а это было два километра, нёс кота и даже пытался его успокоить, что-то ласковое говорил, а бедный кот мяукал и плакал по-кошачьи.

В клинике не смогли кота вылечить, нам пришлось его оставить и заплатить две тысячи рублей. Очень было жалко несчастного кота. Но в то же время мы немного гордились сыном, что, несмотря на то, что он любит побыть в одиночестве и не всегда хочет общаться, но если надо помочь, всегда откликается и приходит на выручку.

Конечно, и сейчас можно увидеть невооружённым взглядом, что наш сын отличается от других, обычных людей. И даже после всех занятий со специалистами странности всё равно остаются.

И когда ваш ребенок вырастет, всё равно он будет отличаться от других людей. Но ваше упорство, терпение, вера и, конечно, материнская или отцовская любовь помогут победить негативное и агрессивное начало в ребёнке и развить всё положительное, что было в нём.

Да поможет нам Бог Милосердный!

Несчастный случай

На этом мне хотелось закончить своё повествование.

Но, оказывается, всё не так просто, и жизнь порой преподносит жестокие сюрризы.

В последнее время сын активно общался с родственниками и с нашими друзьями. Если кто-то приходил, то он выходил из комнаты и вежливо здоровался. Если его спрашивали, то рассказывал что-то интересное о тео-

рии струн, о полимерах в нанотехнологиях, как технологии получают и разрабатываются. Но временами сидел в комнате, слушал музыку и не хотел общаться.

В тот вечер почему-то не сказал нам, что пошёл прогуляться, и, оказалось, попал в ДТП. Нам позвонили через сорок минут. Мы не поверили, что сына нет дома. Стали кричать и искать, и бегать по комнатам.

Как в страшном сне, ночью стояли возле дверей реанимации, и дежурные реаниматолог и потом травматолог устало перечисляли множественные травмы.

Через двое суток Денис пришёл в сознание, и его перевели в отделение травматологии.

В беседе с реаниматологом выяснилось, что всё очень сложно, и учитывая тяжёлое состояние пациента, его нужно переводить в Москву.

В этот тяжёлый для нас период откликнулись все друзья и родственники. Коллеги по работе: заведующая отделением А.А. Ивашкина, старшие медсёстры С.В. Чекмарёва и Е.И. Такташева – предложили любую помощь, строили варианты, как вывезти Дениса в Москву, на какой перевозке лучше и удобнее.

Первым позвонил Юрий Пастернак, известный композитор и педагог. Он очень переживал и советовал, как лучше поступить в непростой ситуации, к кому обратиться, сделал объявление в фейсбуке, попросил всех помолиться. И потом, благодаря вмешательству Михаила Меня, сына о. Александра Меня, нашего сына перевели в НИИ скорой помощи имени Склифосовского.

Апока мы находились в палате местной больницы. Рядом лежал молодой мужчина со сломанными рёбрами, а на другой кровати сидел плотный парень. У него были проблемы с лицом. После футбольного матча избili фанаты – били ногами по лицу. Они видели, что у нового соседа спутанное сознание: то он отвечает на вопросы, то что-то шепчет. И несмотря на то, что сами страдали от боли, старались помочь нашему сыну. Давали попить воды, накрывали одеялом, просили санитарку поменять памперс.

Утром я приходила, и они рассказывали, что происходило в палате.

Потом мы решали вопросы перевода в другую больницу. А когда я сидела возле сына, то старалась быть спокойной, ласково улыбалась, чтобы он не заметил моих переживаний и страхов, и тихонько говорила, что мы все его любим, будем всегда защищать и никому не отдадим.

После инъекций он в основном спал, и вдруг открыл глаза и сказал:

— Как хорошо с тобой, мамочка.

Я обомлела. А потом вспомнила и поняла, что он так давно меня не называл.

Соседи по палате вышли по делам, а когда вернулись, оказалось, что футбольного болельщика оставили без ужина. Он махнул рукой. А мне показалось это несправедливым. Вскочила с места и выпросила у буфетчицы ужин, и отдала нашу порцию, так как у нас была другая еда. Болельщик не отказался. А потом принёс пирожок:

— А то у вас совсем сил не будет.

Вечером нас перевозила специальная перевозка «Медицина катастроф», с помощью которой осуществляется быстрая и безопасная перевозка больных и пострадавших к месту оказания медицинской помощи. Очень тронуло, что соседи по палате спустились нас проводить. А жена одного из них сунула мне в руки голубую пелёнку.

По прибытии в институт Склифосовского сына тщательно обследовали и перевели в реанимацию.

Я вышла на улицу и поразились, какая рядом оживлённо-праздничная атмосфера: народ сидит за столиками, болтает, ест, пьёт, а я еле-еле плетусь к метро и дрожу от холода, хотя тепло.

В реанимацию пускали только днём с 12 до 14 часов, иногда не пускали, если чуть-чуть опоздаешь. Но всё равно все мы радовались. Здесь много врачей, специалистов по реанимации, отличное оборудование. Пропасть не дадут, спасут. Но после второй операции на работе почувствовала пеладное. Было тревожно и страшно.

Позвонили в справочную, нам сказали, что состояние крайне тяжёлое, высокая температура. Я расплакалась и не могла успокоиться. На работе коллеги-женщины тоже не выдержали. У всех дети, семья, все плакали.

Заведующая отделением А.А. Ивашкина меня отпустила. Я бежала изо всех сил, чтобы успеть хотя бы к 13 часам.

В реанимацию меня не пускали, потом вышла дежурный реаниматолог и сказала, что мой сын спит после наркоза, и надо его разбудить.

Я стала просить:

— Пропустите меня. Может, он услышит мой голос и проснётся. Наверно, другие голоса ему кажутся незнакомыми, и поэтому не хочет просыпаться.

Вместе мы стали громко кричать:

— Просыпайся, Денис. Открой глаза. Хватит спать.

Повторяли по несколько раз.

И правда, услышав голос матери, он открыл один глаз, потом другой. Постепенно проснулся.

На радостях реаниматолог разрешила мне после обхода опять побыть с больным.

После реанимации перевели в отделение для хирургических больных. Лечащим врачом была Мария Сергеевна, умная, красивая, сострадательная. Она подробно рассказывала о состоянии пациента. С разрешения заведующего отделением Сергея Григорьевича меня пускали к сыну. При посещении я снова и снова повторяла, что мы все любим его, всегда будем помогать и защищать.

И сын отвечал:

— Это хорошо. Спасибо всем, что меня помнят.

В палате сосед-чеченец подружился с Денисом. Угощал, разговаривал, утешал. А услышав, что сын спрашивает о кошках, закричал:

— Что ты всё котики, котики! О женитьбе надо думать, а не о котиках.

Когда я обтирала сына влажными салфетками, меняла памперсы, укрывала чистой простынёй, сосед вздыхал и говорил:

— Как хорошо, что есть мать!

Мы тоже угощали всех в палате. Когда ест один, другому хочется тоже.

С сыном говорили обо всём, особенно о Боге.

Он захотел причаститься святых Христовых тайн. Юрий Пастернак дал номер телефона Джованни — отца Иоанна, священника-итальянца из храма Космы и Дамиана, где настоятель о. Александр Борисов и староста Наталья Фёдоровна Мень, жена о. Александра Менья.

После разговора Джованни Гуайта дал согласие приехать в больницу.

Возле метро я прождала его целый час с тяжёлыми пакетами, поглядывая на часы. И вдруг вспомнила, что отец Александр Мень, когда навещал своих прихожан и освещал дома или квартиры, то всегда дарил светильники или часы, напоминая о быстротечном времени...

Потом недоразумение разрешилось: оказалось, неправильно сказала адрес. Мы боялись, что нас не пропустят, но нас благополучно пропустили. Одна только женщина испугалась облачения священника и спросила:

— А вы отпевать идёте?

— Нет-нет, — заверили мы её.

Денис очень обрадовался и с радостью принял причастие. И потом поделился своей радостью с лечащим врачом.

Лечащий врач называла Дениса высокоинтеллектуальным.

Другой пациент в палате был дезориентирован: не понимал, где находится, всё время что-то искал и разговаривал сам с собой. Денис давал ему бутылку воды, но вытягивал здоровую руку и говорил:

— Это моя территория. Не заходи сюда.

Постепенно сыну разрешили садиться на кровать, потом вставать и делать несколько шагов с помощью ходунков.

Дома в комнате сына мы выбросили ненужный мусор. Ранее я об этом писала: что такие дети часто собирают

коробки, банки, бумагу, газеты и с трудом расстаются с ними, не хотят выбрасывать. В конце концов мы выбросили шкафы, купили светлые стеллажи, повесили новый светильник, и комната преобразилась — стала светлой и просторной. Нам понравилось, и когда вернулся наш сын, то немного удивился, что комната стала иной. Но потом согласился с нами, что так лучше и удобнее для его выздоровления.

А как-то я ехала в маршрутке, и рядом сидели толстый, слегка подвыпивший парень и рыжеволосая девушка. Из их разговора я поняла, что встретились одноклассники. Проезжая Новую Деревню и храм, где служил наш любимый батюшка, услышала, как парень спрашивает у девушки:

— А помнишь Дениску Шиловского? Как мы приходили к ним домой почти целым классом. И он показывал своих удивительных жуков в энциклопедии. А его мама Вика крутила нам смешные диафильмы. Вот здорово-то было!

Девушка закивала головой, и оба засмеялись.

От неожиданности я чуть было не расплакалась. Почувствовала, что для них это было счастливым воспоминанием детства. И я вновь испытала глубокое чувство благодарности отцу Александру Меню и всем, кто помогал нашей семье в тяжёлые периоды жизни.

Денис Шиловский

Воспоминания о том, как в юности я устраивал у себя дома и в гостях цирковые представления

*Небольшой рассказ об избранных эпизодах
моей прошлой жизни*

Все любят цирк. В моей памяти остались яркие впечатления о том, как я в юности сам себе сшил костюм клоуна из старой одежды и с ним гастролировал к своим друзьям, чтобы им показывать весёлые представления. Хотя, вместе с тем, я много раз и дома наряжался в этот костюм, и каждый раз это для меня была весёлая забава и развлечение.

Вначале я сшил себе костюм клоуна из старых вещей, что были у нас дома. Затем сделал к нему простой колпак на голову из одной штанины старых кальсон и старых тряпок. Парик к этому колпаку я смастерил из хозяйственной пакли, которая тогда у нас была в избытке, потому что мы тогда строились и пристраивали вторую половину к дому.

Позже я сшил к этому, своему самодельному костюму клоуна большую тряпичную маску, которая надевается на всю голову и вполне может заменить шутовской колпак. Такие маски тогда, в то время, использовались в театрах для представлений, а в торговых организациях нигде не продавались.

Основу этой маски я сшил из белой ткани старого покрывала. Затем, разметив и прорезав на ней прорезы для глаз, я к ней пришил: клоунские синие волосы; синие нарисовки над глазами; большой красный клоунский нос; розовые щёки по обе стороны от него и большие длинные фиолетовые уши (в них, внутри были зашиты и набиты тряпки, для того чтобы они были увесистыми). Все эти элементы на моей маске, были мною сделаны из кусков ткани разных цветов. Внизу к этой маске, я пришил завязки для того, чтобы её, надевая, можно было фиксировать на голове и лице.

Когда эта маска надевается на голову, то вначале первый узел делается на подбородке, чтобы её зафиксировать на лице. Затем второй узел делается на голове, на чубе, чтобы её зафиксировать на самой голове.

Первый раз я приехал в Москву в гости к тётке Даше с этим клоунским костюмом. Правда, тогда тётки Даши дома не было. Были только её дети Кирилл и Ника. Дело было так.

Я пришёл туда к ним на квартиру. Потом, на кухне я переоделся в свой костюм клоуна. Затем пошёл в комнату, где Кирилл во что-то играл, а Ника мне говорит:

— Денис, ты что нарядился? Тётя Даша тебя увидит в этом костюме и ахнет.

На этом всё представление и закончилось.

Второй раз я поехал в Москву к тётке Даше со своим клоунским костюмом и застал её дома. Именно она, как я помню, тогда открыла мне дверь. Но правда, тогда я свой костюм клоуна не приносил в сумке, а в нём в гости и приходил. Я надевал его под низ верхней одежды.

Я делал так: дома сначала на голое тело я одевался в свой клоунский наряд, а затем уже на него надевал куртку-ветровку и брюки. Так что под курткой и брюками то, что на мне костюм клоуна, никому было не видно. А колпак с париком из пакли и клоунский нос, я носил с собой в сумке.

Итак, тётя Даша мне открыла дверь. Я зашёл к ней в квартиру, разулся в прихожей и пошёл на кухню. Затем, немного посидев на кухне и попив там чаю, я немного приподнял над брюками свою ветровку и сказал тёте Даше:

— Я тебе сюрприз приготовил. Я под низ верхней одежды костюм шута надел.

Тётя Даша в ответ немного усмехнулась.

Затем, я пошёл в комнату, где обычно тётя Даша спит, снял с себя куртку и брюки, остался в своём клоунском наряде, на лицо надел клоунский нос, а на голову матерчатый колпак с париком из пакли.

Тётя Даша зашла в комнату, увидела меня в моём клоунском костюме и спросила:

— Это ты сам придумал?

Я говорю:

— Да, сам.

Тётя Даша продолжает:

— Молодец, хороший костюм, смешно.

Потом через какое-то время я переоделся в нормальную одежду, собрался и поехал к себе домой.

После этого к нам в гости приходила тётя Даша. Так, я у себя в комнате переоделся в этот свой костюм клоуна (штаны из штанин разного цвета, рубаху из половин разных цветов и съёмный разноцветный воротник), на голову надел матерчатый колпак, а на лицо я на этот раз надел, не клоунский круглый нос, а длинный нос, как у Буратино. Но не жёлтого, а светло-рыжего цвета.

Затем я вышел на терраску, где находились моя мать с тётей Дашей и прямо там им показал весёлое представление. Как я именно, разыгрывал перед ними этот цирковой номер, я уже не помню. Помню только то, что тогда тётя Даша моей матери, смеясь, сказала:

— Я уже этот костюм видела. Всё было почти так же. Только нос у Дениса был другой.

А мать мне тогда сказала:

— Тётя Даша тебя похвалила за костюм и сказала, что ты очень талантлив.

Тогда тётя Даша снимала дачу в Заветах Ильича. Так вот, тогда, после этого представления дома, я к ней туда несколько раз гастролировал. Помню, что я как-то вечером пришёл к ней в гости, там у неё в гостях переоделся клоуном, и когда я к ней зашёл в комнату, она спала. Я подошёл к кровати, на которой она лежала. Потом вдруг тётя Даша проснулась и спросонок сказала:

— Страшно, клоун!

В этой комнате вместе с нами была и её дочь Ника. Она тогда сказала тёти Даше:

— А к нам однажды уже клоун приходил. Денис этот костюм сам сшил.

Потом, через некоторое время, я у тёти Даши попил чаю и, немного посидев на кухне, переоделся в нормальную одежду и пошёл к себе домой.

Помнится мне также и случай, когда я показал представление и другой маминной подруге — тёте Вере. Дело было так.

Тогда у нас во дворе была ещё старая беседка, которой сейчас уже давно нет. Мы её уже лет десять, как снесли. Я летом обычно там и жил, в этой беседке. Там же тогда я хранил почти все свои вещи.

Однажды, к нам в гости приехала мамин подруга тётя Вера. Я выждал момент, когда моя мать и тётя Вера вышли из дома на улицу. Переоделся в свой наряд клоуна и вышел из беседки. Затем я подошёл к своей матери и тёти Вере. Тётя Вера удивилась и сказала:

— Что это? Клоун!

Потом она посмеялась и сказала:

— Что это, одна штанина такая, одна штанина другая! Какой симпатичный клоун!

Потом я пошёл к себе обратно в беседку.

Тогда же, я помню, как-то раз я переодевался в свой костюм клоуна специально для тётки Наташи. Это было у Вадика на даче, которая раньше тогда была рядом с нашим участком. Я туда пришёл со своим костюмом. Подошёл к тётке Наташе и сказал ей:

— Подожди немного, я тебе приготовил сюрприз.

Потом, я в зашёл к Вадиду в подсобку и там переоделся в свой костюм клоуна. Затем я позвал тётку Наташу и ей показался в этом наряде. Мне тётя Наташа говорит:

— Красавец, ты какой! Тебе только на карнавал нужно. На ёлку пойдёшь и самую красивую шоколадку получишь. Ты это сам сделал?

Я ответил тётке Наташе:

— Да, сам.

Тётя Наташа продолжает:

— А мама твоя знает, что ты себе сшил этот костюм?

Я ответил ей:

— Да, знает.

Тётя Наташа задала последний вопрос:

— Это ты сшил на ёлку, чтобы от Деда Мороза подарок получить?

Я ответил ей:

— Да.

На этот раз этим всё дело и ограничилось.

Однажды как-то, находясь в проходной комнате старого дома, я нарядился в свой самодельный костюм клоуна, надел себе на голову эту самую тряпочную маску с большим красным клоунским носом и длинными фиолетовыми ушами и завязал её себе завязками на подбородке, так, как она и должна надеваться на голову, эта маска. Затем я вышел на кухню, где в это время сидели за столом, моя мать и тётя Наташа (жена Вадика — брата моего отца). Увидев меня в моём клоунском наряде, моя мать надо мною немного посмеялась и, смеясь, сказала:

— Уже и маску сделал.

Тётя Наташа вслед за ней мне сказала:

— Умничка, умничка!

После этого мне мать сказала:

— У каждой маски должно быть название, она как у тебя называется?

После этого я снова пошёл из кухни к себе в комнату. Там лёг на кровать и решил немного полежать и позабыться в этом своём наряде клоуна. Я в этом наряде полежал немного, понежился, а потом переоделся.

Потом, уже в следующий раз, когда моя мать с тётей Наташей так же сидели на кухне и разговаривали между собой, я опять нарядился в свой костюм клоуна и надел себе на голову тряпичную клоунскую маску, как и в тот раз. Затем я из комнаты вышел на кухню к своей матери и тёте Наташе.

На этот раз мать, видя меня в этом клоунском костюме, тёте Наташе сказала:

— Представляешь, Денис сам себе костюм сделал!

Тётя Наташа ей в ответ:

— Ну, молодец!

После этого мать говорит тёте Наташе:

— А вот бы Дениса сфотографировать в этом костюме!

Тётя Наташа ей в ответ:

— Это этого надо просить.

Она имела в виду дядю Вадика — своего мужа. Я в своём клоунском наряде перед ними постоял ещё несколько минут, а затем опять пошёл в комнату, как и в прошлый раз.

Помнится мне ещё и тот случай, когда я показал небольшое представление Егорке. Ему тогда было 11 лет. Это сын тёти Веры, подруги моей матери. Дело было так.

Тётя Вера приезжала к нам в гости вместе со своим сыном Егоркой. Они у нас оставались на ночь.

Утром моя мать с тётей Верой поехали по делам, а нас вдвоём с Егоркой оставили дома. Егорка, что-то делал

у нас дома, в соседней комнате, но я не помню уже. Я переоделся клоуном, а затем пригласил Егорку к себе, в свою комнату. Потом показал ему свою тряпичную клоунскую маску и сказал:

— Видишь, какая маска?

Егорка мне сказал в ответ:

— Надень её.

Я надел эту маску. После этого Егорка посмеялся и сказал мне:

— Смешной.

Далее мы с Егоркой посмеялись и вдоволь повеселись.

Также я помню, как я переодевался клоуном и надевал эту клоунскую тряпичную маску при тётё Вере. Я помню, что тогда тётя Вера посмеялась, а затем меня спросила:

— Это ты сам всё сделал?

Я ей в ответ:

— Да.

Она мне сказала:

— Ну, ты мастер по переодеванию.

После чего она мне сказала:

— Я помню, что ты и летом что-то делал.

Это она имела в виду то представление, которое я выше описывал.

Как-то к нам приехала ещё одна мамина подруга — Ольга Романова из Хотькова со своими двумя дочерьми. Им тогда было по 8 и 11 лет.

Дело было вечером. Они собрались вместе с моей матерью у нас дома в гостиной. Потом я переоделся клоуном и вышел к ним в гостиную. Они мне сказали:

— Вот, это клоун пришёл!

И стали со мной веселиться.

На следующий день я позвал младшую дочь этой маминой подруги к себе в комнату. Там я её нарядил в свой костюм клоуна, надел ей на голову свою тряпичную клоунскую маску, а затем мы вместе с ней вышли на кухню, где находились моя мать, её мать (подруга моей матери) и её старшая дочь. В итоге мы все вместе прекрасно повеселились на кухне и приятно провели время.

Ещё был другой случай. Как-то к моей матери к нам домой приехала её подруга тётя Оля. Так как после прошлогоднего строительства я у нас дома переселился в другую комнату, то тётя Оля переночевала у нас ночь в той комнате, где я прежде спал. Наутро, после завтрака, там, в этой комнате они обе сидели: моя мать и тётя Оля. Я переоделся клоуном и пошёл к ним в комнату. Правда, колпак с париком и клоунский нос я тогда сразу не стал надевать. Я их надел себе на лицо и на голову только при них в комнате.

Они — моя мать и тётя Оля, естественно, надо мной посмеялись. Моя мать мне при этом говорит:

— Ну всё, Денис, готовь представление.

Тётя Оля мне говорит после неё:

— Или на карнавал можно так идти.

Потом я принёс из своей комнаты свою тряпочную клоунскую маску и предлагал её надеть тёте Оле. Но она категорически отказалась. На этом представление закончилось.

Я тогда учился в школе, заканчивал 11 класс, и мне надо было после обеда идти в школу на занятия. Правда, я тогда в школе учился не вместе с остальными учениками, как обычно, а отдельно, индивидуально по медицинским показателям. Потом, я быстро переоделся, собрался и пошёл в школу.

Летом мамина подруга тётя Даша снимала дачу в Репихове. В июле того же года я несколько раз к ней туда ездил в гости. Один раз я к ней туда приезжал отвозить котят, что у нас родила кошка Мулька. При этом каждый раз я к ней туда на дачу в Репихово привозил свой клоунский костюм со своей тряпочной маской.

Тётя Даша там жила всё лето со своими детьми Кириллом и Никой. Кроме того, они дружили с детьми хозяев того дома, где тётя Даша снимала дачу. Так что мне хватало с кем пообщаться и кому показать свои цирковые представления.

В начале я переоделся в свой костюм клоуна и показал новое представление тёте Даше и её детям Кириллу с Никой, которое сам дома предварительно придумал. Потом, в дополнение к своему клоунскому костюму, я надел тряпичную маску клоуна с большим красным носом и длинными фиолетовыми ушами, которая закрывает всю голову. Тётя Даша меня увидела в клоунском наряде и в этой тряпичной маске и говорит:

— Брысь, чудище ушастое! Представляешь, что будет, если ночью взять стеклянную банку, под неё поставить зажжённую свечку, а затем сверху на неё (банку) надеть эту тряпочную клоунскую маску? Кто-нибудь увидит в окно и сильно перепугается.

Но мы с тётей Дашей и её детьми Кириллом с Никой так делать не стали. Мы повеселились, я снял с себя эту тряпичную клоунскую маску, переделался в нормальную одежду, собрал свои вещи в сумку; потом пошёл на электричку к станции Абрамцево, чтобы поехать к себе обратно домой.

В следующий раз, когда я снова приехал в Репихово в гости к тётке Даше, то там я познакомился с Ленкой, подружкой Кирилла и Ники. Ей тогда было 13 лет. Вначале я там снова передевался клоуном и ей, Ленке с её подружками, показывал своё цирковое представление. На этот раз я с собой туда, в Репихово, привозил не один, а два костюма клоуна. Перед представлением в один я сам передевался, а в другой давал передеваться одной из Ленкиных подружек, так как она тоже захотела принять участие в этом домашнем цирковом представлении.

Но сама Ленка в костюм клоуна, как тогда я и одна из её подружек, не передевалась. Просто не захотела. Затем, после представления я встал перед зеркалом в клоунском костюме и стал собой любоваться. Меня Ленка стала спрашивать:

— Ну что, тебе наряд нравится?

Я ей ответил:

— Да.

Потом я при ней снял с себя колпак и клоунский нос. Но при этом остался в клоунском костюме. После этого я надел себе на голову свою тряпичную клоунскую маску и стал собой любоваться в зеркало. Ленка меня увидела перед зеркалом в этой маске и говорит:

— Пудель, ну что, может быть, тебя за уши подёргать?

Потом она взяла меня за фиолетовые уши, пришитые к этой маске, что была на мне, и стала меня за них подёргивать. Так мы с ней поразвлекались.

Действительно, я в этой тряпичной клоунской маске чем-то был похож на собаку. С этой поры мне Ленка дала кличку Пудель и всё время меня так называла. Даже когда я стал уезжать домой, она мне сказала:

– Пудель, до свидания.

Потом, когда я ещё раз приехал туда, в гости к тётё Даше в Репихово, мы снова повесились. Но в этот раз мы с тётёй Дашей и с Никой надевали эту тряпичную клоунскую маску на Кирилла. На этот раз главным артистом в представлении был не я, а он, Кирилл. Когда Кирилл был в этой тряпичной маске, я ему говорил:

– А посмотри, как это на тебе смотрится.

Он мне сказал в ответ:

– Любознательно.

Именно в этот раз я эту свою тряпичную клоунскую маску подарил Кириллу, чтобы он с её помощью наряжался в клоуна и тоже дома разыгрывал цирковые представления.

А я себе потом из старой матерчатой сумки сделал другую маску к своему клоунскому костюму. Она, как и та, тоже надевалась, закрывая, полностью всю голову. Только эта моя новая маска была скорее шутовская, а не клоунская. И была она при этом не белого цвета, как эта, а светло-рыжего.

Вот такие смешные представления в прошлом я разыгрывал у себя дома и в гостях у тётё Даши, маминой подруги. Порой с годами возникает ностальгия по прошлому, и с усмешкой вспоминаешь радостные моменты своей жизни.

Это многим нужно

Интервью Елены Куликовой с Викторией Шиловской

Встречаясь с нашим замечательным редактором, обговаривая мельчайшие детали, вдруг неожиданно вспомнила, что наша давняя знакомая логопед Елена Куликова готовила доклад к научной конференции и взяла у нас интервью.

Доклад был посвящён проблемным детям с психическими особенностями. Елена стала очень серьёзно задавать вопросы и я поняла, что эта тема интересна не только мне, и очень важно поделиться ею со всеми.

— Поговорим о терпении. Каким терпением стоит запастись взрослому, чтобы добиться желаемого от ребёнка? Сколько раз следует выполнять одно и то же действие, чтобы ребёнок запомнил? Как можно вырастить крылья за спиной и иметь веру в себя и в ребёнка в этой ситуации?

— Самое важное для этого ребёнка — показать, что вы его любите, и о своей любви говорить каждый день. Если ваш ребёнок беспокоен, бегает, кричит, надо постараться привлечь его внимание. Включить любимую музыку, песенку, смешной, весёлый мультяш. И когда ребёнок подбежит, спокойно, не делая резких движений, ласково обнять его. Ребёнок будет вырываться или кричать, но надо обязательно прижать ребёнка к себе на несколько секунд. Этот телесный контакт необходим для вашего ребёнка. Это для того, чтобы ребёнок почувствовал, что вы его любите. И о своей любви говорить вслух спокойно и уверенно.

Каждый день мы говорили сыну, что любим его, что всегда будем защищать и никогда некуда не отдадим.

На улице, в транспорте, в метро он что-то слышал обидное для себя. Иногда чужие для него люди делают замечания, дают матери советы, как ребёнку следует себя вести. Или даже указывают, что таких детей надо сдать

в специальное учреждение, и там научат правилам поведения. Поэтому, когда замечала в ребёнке агрессию, беспокойство и тревогу после прогулок, то понимала, что это из-за того, что мир встречает таких детей враждебно. Если над таким ребёнком посмеялись, поиздевались, то тогда он начинает откликаться по-своему: что-то кидать, бросать, громко кричать и бегать по кругу — бегать, бегать, и его трудно остановить. Если ребёнок бежит дома, нужно постараться внутренне успокоиться, сделать глубокий вдох и выдох, не бегать вместе с ним и за ним, не кричать на него, пытаясь остановить, и не акцентировать на этом внимания. Просто переключиться на другое, то есть заниматься своими делами.

Обычно у матери с ребёнком существует эмоциональный контакт. Ребёнок видит, что мама спокойна, занята домашними делами, и тоже постепенно успокаивается.

Такое ощущение, что у таких детей на длительное время устанавливается контакт с матерью или с другим человеком и не распространяется на других членов семьи. Каждый день таким детям надо доказывать свою любовь: обнимать, говорить ласковые слова, воодушевлять его постоянно. Это для такого ребёнка очень важно.

— *А как быть в негативном проявлении: когда возникает отчуждение, агрессия, стереотипия, аутоагрессия, склонность к побегу? Или, например, выполнение бытовых действий, направленных на разрушение.*

— Да, я уже рассказывала, что такие дети бывают агрессивны настроены. Они могут громко кричать, бросать вещи, ломать игрушки, выбрасывать с балкона предметы, раскачиваться в разные стороны. Иногда агрессия бывает направлена на самих себя, и ребёнок пытается укунить себя, поцарапать, схватить за волосы. В такой неприятной ситуации надо отвлечь ребёнка, что-то предложить, чтобы его заинтересовало. Ни в коем случае нельзя кричать на ребёнка: «Зачем ты это делаешь! Прекрати! Получишь по шее, по мозгам», — и так далее. Нельзя уделять этому внимания. Иначе закрепиться, как говорят психологи. Ребёнка мож-

но переключить на интересный фильм, почитать вслух сказку или поиграть в игру, где можно раскладывать карточки с картинками, буквами, цифрами. И когда ребёнок переключается, психологи говорят, что пошла продуктивная деятельность, и советуют в это время хвалить ребёнка и чем-то вознаградить за правильные действия, угостить чем-то вкусненьким. Конфет, конечно, много не рекомендуется давать, но можно вознаградить мандарином, яблоком, ягодами.

— А скажите, пожалуйста, многие родители от бессилия наказывают таких детей, и можно ли так поступать с детьми? Какое наказание приемлемо, а какое нет?

— Я считаю, что телесного наказания не должно быть, так как в будущем ребёнок будет на этом акцентироваться. Будет озлобляться и ответит агрессией на агрессию.

— Как дать понять ребёнку, что он делает плохо, неправильно?

— В нашей семье это понимание возникло через игры. Обыгрывали какой-то сюжет с персонажами по несколько раз. В основном играли в школу, проигрывали различные ситуации. И ребёнок через игры видел, что какой-то персонаж совершает неправильные действия, например, крадёт ручки из рюкзаков, дерётся, толкает девочек, на переменах обижает слабых, поступает плохо по отношению к другим детям. Через игры уходила агрессия.

— Как заставить ребёнка в раннем возрасте заниматься учебной деятельностью, навязанной взрослыми, и оставаться в рамках этой деятельности, а не заниматься чем-то другим, что ему больше всего нравится? Как его удержать на этой деятельности? Мы хотим, чтобы ребёнок сидел и рассматривал книгу вместе с нами, а он не хочет и куда-то убегает.

— Перед школой мы ездили на занятия с психологом. Получали правильное медикаментозное лечение. И поэтому в школу сын пошёл подготовленным и с занятий не убежал.

— Как вы привлекали внимание и заставляли ребёнка подчиняться своей воле?

— Просто открывала учебник на заданном месте и читала вслух. Видела, что сын вскакивает. У него неусидчивость, он бегаёт вокруг меня, но всё равно внимательно слушает. Через какое-то время успокаивается, подсаживается и спокойно рядом сидит.

— *Бывают такие случаи: например, ребёнок разбил стекло, ударил по нему, ударил родителя. Такие ситуации часто бывают у детей. Что в таких ситуациях делать?*

— Как-то успокоить ребёнка. Если он порезался, заняться раной: обработать, заклеить пластырем или перевязать.

— *А если идёт агрессия — произошло столкновение, и он кого-то из близких ударил?*

— Успокоить разными способами. Произнести ласковые, хорошие слова, обнять, прижать к себе. Дать назначенное врачом успокоительное лекарство. Потом через игру объяснить, что так делать нельзя.

— *Как подходить к ребёнку, взаимодействовать с ним, если живой мир для него сложен в социальном контакте.*

— Конечно, нужна помощь специалистов. Специалисты научили нас, как взаимодействовать с ребёнком.

Было назначено медикаментозное лечение. И, конечно, главное — родители, любящие и поддерживающие ребёнка на всех этапах развития.

— *А вот нарушение коммуникации: когда он, допустим, не использовал жесты, слова для общения, не вступал в диалог — как удавалось вывести его на диалог? Как удалось привлечь внимание к речи? У таких детей нет потребности разговаривать. Они могут занять сами себя. Как возвращать из этой раковины ребёнка? Ведь принуждение бесполезно.*

— Процесс возвращения таких детей из раковин очень труден и сложен, требует огромных усилий, терпения, любви, веры в себя и в ребёнка. Нужно каждый день бороться. Бывает, что болезнь тянет на себя одеяло. Но надо иметь немного смелости и потянуть одеяло. И, возможно, мы победим, потому что верим в победу.

— *А всё-таки на какой уровень удалось потянуть одеяло?*

– Возможность сенсорного контакта. Ближе находиться к земле, природе, предметам. Важна сенсорная интеграция, когда ребёнок может взаимодействовать с природой. Если ребёнок живёт в сельской местности, у него полное поле возможностей, чего лишены дети в городе.

– Каким фактором социальным или психологическим была спровоцирована такая реакция организма и слабая защита могла так проявиться? Ребенок до трёх лет развивался нормально, не было никаких болезненных проявлений. Он ничем не отличался от других детей. Смотрел в глаза, не привлекал внимания. И вдруг внезапно порвалась связь с ходом жизни мира и появилось такое заболевание...

– Мне сложно понять, какие факторы повлияли на моего ребёнка. Думаю, что у меня ослабла внутренняя связь с сыном. Я стала работать каждый день и возвращалась вечером уставшей. И, как следствие, уделяла меньше внимания ребёнку.

Мне кажется, это совпало с майскими праздниками, когда чередой показывали военные фильмы, что для ребёнка было большим внутренним потрясением. Он отличался повышенной впечатлительностью, и поэтому ему не разрешали смотреть по телевизору эти передачи. Но всё равно было трудно за ним уследить. И потом он долго не засыпал, боялся и плакал.

И генетическая наследственность сыграла не последнюю роль. Всё это совпало в одной точке и дало такой внезапный взрыв. На следующий день проснулся другой ребёнок.

Когда я прочитала книгу Станислава Божко «Саша и Стэн», которая помещена в этом томе, меня поразила, что моя ситуация с ребёнком аналогичная. Они приехали в Дивеево. Каждый вечер мама Саши уходила с грудной дочерью, Сашиной младшей сестрой, на канавки вокруг монастыря. А папа с Сашей путешествовали по окрестностям близлежащих деревень. Семья разделилась.

В этот самый момент у ребёнка появились первые признаки болезни. В одну из таких прогулок ребёнок стал вести себя необычно. На радостное обращение папы дочь

отреагировала испугом, криком. Что-то её напугало. Папа очень удивился такой реакции, поскольку в окрестностях, по его мнению, не было объекта, который мог бы испугать девочку. Реакция ребёнка не соответствовала умиротворённой обстановке окружающей среды...

— *Виктория, что бы вы посоветовали родителям?*

— Самое главное — успокоиться. Ведь каждый ребёнок уникален, и нам есть чему поучиться у детей. Любить ребёнка во всех его проявлениях. Составить режим дня и следовать ему. Читать вслух сказки и познавательную литературу. Принять увлечение ребёнка за основу лечения и включать творческую активность. Смело идти дорогой любви.

— *Мы надеемся, что эта книга поддержит многих в трудные минуты, поможет в преодолении многих неразрешимых обстоятельств и поведёт дорогой любви.*

О Нинели Ионтельевне Непомнящей

Специалист в области детской, возрастной и педагогической психологии, психологии личности, медицинской психологии. Область научных интересов: целостное исследование человека, определяющие основания личности, психологическая диагностика, направленное развитие личности в процессе воспитания и обучения, психокоррекция и психотерапия, психоонкология.

Автор около 200 печатных трудов, изданных в России и за рубежом.

Публикации (некоторые статьи, опубликованные в период работы в ММК):

Анализ некоторых понятий психологической системы Ж. Пиаже. // Вопросы психологии, 1964, № 4.

О генетическом методе в психологии. // Сб. «Питание психологии», Киев, 1964.

Отношение структурного и генетического методов в психологии. //Сб. «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.

О связи логики и психологии в системе Ж. Пиаже. // Вопросы философии, 1965, № 4.

Теория Л.С. Выготского о связи обучения и развития. //Сб. «Обучение и развитие», М., 1966.

Понятия обучения и развития в теории Ж. Пиаже. // Сб. «Обучение и развитие», М., 1966.

Состояние проблемы обучения и развития и задачи дальнейшей её разработки. //Сб. «Обучение и развитие», М., 1966.

К вопросу о предмете психологического исследования. //Материалы 3 Всесоюзного съезда общества психологии СССР, М., 1968.

Педагогический анализ и конструирование способов решения учебных задач. //Сб. «Педагогика и логика», М., 1993 (сборник был сдан и набран в 1968 г.).

Деятельность, сознание, личность и предмет психологии. //Сб. «Проблема деятельности в советской психологии», М., 1977 (статья написана в 1968 г.).

Книги:

Опыт системного исследования психики ребёнка. (ред.) М., 1975.

Психологический анализ обучения детей 3–7 лет. М., 1983.

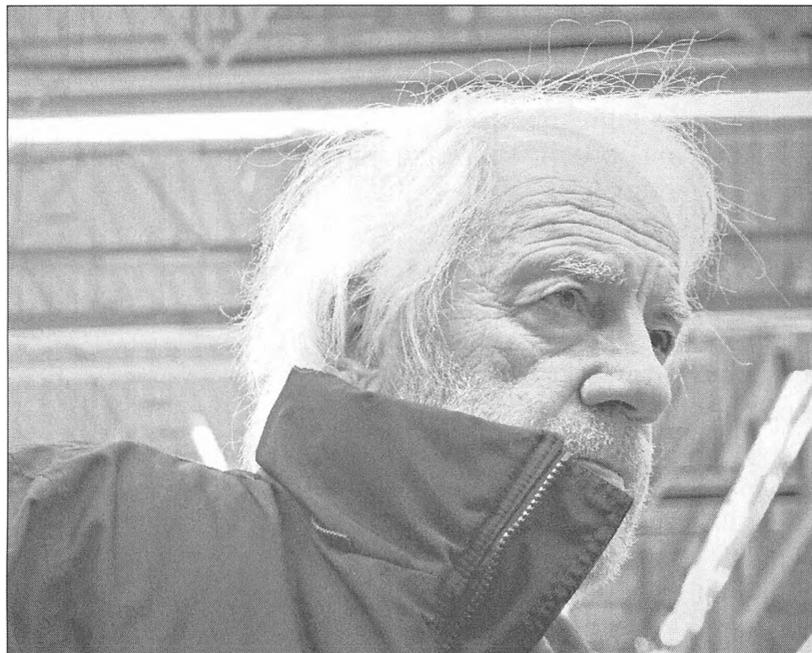
Становление личности ребёнка 6–7 лет. М., 1992.

Методология целостного исследования в психологии. М., 1985.

Ценностность, как личностное основание. М., 2000.

Психодиагностика личности. М., 2001.

Номо – integer? Человек – целостный? М., 2005.

Повествование Станислава Божко — удивительный сплав серьёзного литературного произведения, одновременно поэтического, автобиографического и философского, с хрониками жизни аутичной девочки и её отца, взявшего на себя ответственность за её жизнь и душевное состояние, пытающегося проникнуть в её закрытый внутренний мир, помочь ей найти опоры для бытия в этом мире. Бесконечное внимание к дочери, настроенность на неё, желание осмыслить происходящее помогают Станиславу увидеть и описать детали, которые часто ускользают от внимания профессионалов, наполнить повествование движением жизни, сделать его интересным и для специалиста, и для сочувствующего читателя.

Детский психотерапевт Анна Дробинская

Станислав Божко

Саша и Стэн

Москва
Волшебный фонарь
2019

Вороника на крыльце,
В доме спит зверь, в доме ждёт ангел;
В доме далеко до утра.
Вороника на крыльце, она по ту сторону стекла,
И я бы открыл ей,
Если бы я знал, где здесь дверь...

Ключ к северу лежит там, где никто не ищет.
Ключ к северу ждёт между биениями сердца.
Я знаю, отчего ты не можешь заснуть ночью.
Мы с тобой одной крови.

Борис Гребенщиков. Северный цвет

1

Мне 70, и, вроде бы, мой жизненный круг завершён. Начавшись на северной окраине Новосибирска в бревенчатом доме, построенном моим дедом во время Большой войны, он заканчивается внутри бетонной семнадцатизэтажки, прижавшейся к Битцевскому лесопарку на юге Москвы.

Я — многодетный отец, и четверо моих детей из пяти появились на свет, когда мне было больше сорока. Последние двое — в 52, и в 56. Честно говоря, в юности я не ожидал такого развития событий. Жизнь тогда строилась как бы сама собой, следуя внятным лекалам шестидесятилетия.

Ещё школьником я рыскал по Сибири вместе с геологами и геодезистами, а спустя годы ветер бродяжничества выбрасывал меня из любой устойчивой среды, в которой я пытался закрепиться. Я был вечным студентом, ночным сторожем, грузчиком в тупике электролампового завода, социологом в университетской лаборатории, калымщиком в строительных бригадах, учителем литературы в деревенской школе.

Много лет воевал, как мог, с провинциальной охранкой. Наверное, мой предок, шестидесятник из XIX века,

проходивший по процессу 193-х, был бы доволен мной (1).

Всего-то 30 лет назад я вслушивался в голос Восточного океана на самом дальнем берегу мира. Над моей головой горели островные созвездия. Крики чаек в сочетании с ритмическим рёвом прибоя, были похожи на «голоса» из радиоприёмника, прерываемые осатаневшей заглушкой.

Сидя на склоне сопки, там, где густой черничник оплетал белые известняковые кубики — надгробия над японскими могилами последней войны — я был счастлив: лаборант в исследовательской группе Томского института радиоэлектроники, базировавшейся в посёлке Взморье на Сахалине. Я жевал крупную чернику и смотрел на надгробия: время сыграло в кости над головами маленьких, бессмысленно упорных солдат, и ушло, не потрудившись прибрать своё игровое поле.

У нас была хорошая радиоаппаратура, и как-то на ночном дежурстве я услышал о Нобелевской премии Бродскому. На следующий вечер предложил отметить событие. Кто такой Иосиф Бродский, не знал ни один из окружающих меня молодых электронщиков, но лабораторного спирта хлебнули все, и я, ощущая себя последним человеком из Атлантиды, долго читал им затверженные за два десятилетия строчки...

Потом пришло время «горячих точек» на южных границах торопливо разбегающейся по дальним улусам Империи. Сам себе я казался тогда бродягой из прочитанного в 70-е романа «Дервиш и смерть» (2). Старуха в армейской «разгрузке» всё небрежно похлопывала меня по плечу, а Лену, Надю и Виктора, моих друзей-миротворцев, увела с собой. Я отделался лёгкой контузией и, как мне стало понятным через несколько лет, — посттравматическим синдромом: мир, в который я вернулся, стал для меня чужим и враждебным.

«Ночь всё не заканчивалась снаружи, впрочем, и внутри — тоже. Там, внутри, теперь был всегда пустой холодный кинозал,

и он, войдя в него, привычно напрягся, уставившись в экран, натянутый позади глазных яблок. Экран, дёрнувшись, ожил, и его плоскость наискосок пересекла чёрная полоса моста, висящего над замёрзшим водохранилищем. По нему он прошёл час назад: изображение было контрастным и неожиданно — крупнозернистым, словно каждый квант света, ударившийся в полотно, оставлял вокруг себя полупрозрачный шарик: икринку с чёрным ядром внутри. Собственно, его неизвестно зачем делящаяся жизнь, — вдруг сформулировал он, — стала облаком этих чуть дёргающихся икринок в фрютившей их медленно густеющей холодной взвеси. Камера, чуть покачиваясь в такт шагам, приближалась к людям, безвольно перевесившимся через перила. Они вроде бы наблюдали за рыбаком внизу. Но когда он подошёл ближе, то понял, что они мертвы. Впрочем, как и рыбак, пойманный на невидимый крючок шальной мины и лежащий теперь на льду рядом со своим ведёрком».

Люди этого мира однажды пытались убить меня зимней ночью в глухой деревне. Действовали они ржавыми арматурными прутьями, но почему-то не довели дело до конца. Плохо работающая нижняя челюсть и ноющая к непогоде сломанная рука теперь ненавязчиво напоминают мне о нескольких неделях, проведённых в хирургическом отделении Шуйской районной больницы.

Но, как я теперь понимаю, 23 года назад со мной случилось главное в жизни, и главное уже, наверное, не будет: мой трёхлетний ребёнок стал аутистом.

Ранний детский аутизм был диагностирован у Саши в 1994 году, и с этого времени моя жизнь, сначала незаметно, а потом радикально — изменилась.

По инерции я ещё много лет считал важными множество других вещей: политика, книги, фильмы, движение в пространстве, личные отношения с женой, остальными моими детьми, друзьями. Я всё дергался, как рыба, которую «водят» на длинной леске: ещё несколько раз ездил в Чечню и Дагестан с миротворческими миссиями, занимался горным туризмом. Наконец, с годами, эта инерция иссякла, сменившись усталостью и привычкой тянуть телегу,

и сам себе я стал казаться старым меринком из повести Льва Толстого.

Как-то мы брели с Сашей осенним слякотным вечером 2008 года через район Хамовников, как раз недалеко от его (Л. Толстого) дома-музея. Падал мокрый снег и тут же таял, но ощущение безнадёжности исходило не от него и не от чёрных мокрых тротуаров: холодных смоляных зеркал, бликующих цветными пятнами. Один из огромных экранов, установленных недавно по всему центру Москвы, проецировал прямо в темноту нестерпимо яркие фрагменты из фильма со знаковым названием: «Квант милосердия», перемежающиеся кадрами с фальшиво улыбающимся политическим лидером страны, в которой я жил уже больше шестидесяти лет. Страна, правда, называлась теперь другим именем, но это ничего не меняло. Из ворот подвернувшейся рядом церквушки вышел монах с метлой и в мокрой рясе, замер, как-то нелепо выставив метлу перед собой, и уставился на экран с мутной улыбкой. Когда мы дошли до клубящегося паром входа в метро, я добормотал стихи обо всём этом. Они кончались так: «Перечтика, дружок, предпоследний абзац „Холстомера“, перечти и... забудь».

Всё-таки попробую вспомнить...

Линия моего отца: ссыльные (после разгрома восстания 1863 года) поляки. Их на санях или телегах увезли в Сибирь, в Томск, где они за два поколения из инсургентов превратились в чиновников. Сохранился старинный альбом. В нём десятки дагерротипов: мужчин, женщин, детей, которых давно уже нет на земле. Надписей на оборотной стороне жёстких карточек тоже нет. И узнать: кто был кто — неоткуда. Все близкие давно ушли. Иначе, как ужасом (которым было наполнено это время и место), постоянно живущим в сознании отца, матери и деда с бабушкой, нельзя объяснить, что никто из них ни разу ни поговорил тогда со мной о своём (а, значит, и моём) прошлом. Спасаясь, мой отец утерял (как зверь, отгрызший попавшую в капкан лапу) вторую часть фамилии своих отца и деда.

Первый муж моей бабушки был схвачен Томским НКВД в 30-е и погиб. Её второй муж, единственный из прямых предков, которого я знал лично, очень любил меня, и во мне до сих пор чуть дрожит, не затухая, тёплый свет доброты, исходившей от него. Как я теперь понимаю, ему очень повезло. В годы русской смуты он закончил Томский политех, стал геодезистом, и, хотя его братья тогда же эмигрировали в Польшу, репрессирован в 30-е не был. Это был невероятный выигрыш. Польская операция НКВД почти не оставляла шансов на жизнь обрусевшим полякам. Его двоюродный брат был расстрелян в 37-м в Москве и лежит в одном из рвов Бутовского полигона. А Пётр Станиславович Маржецкий много времени проводил, работая в геодезических партиях по всей Сибири, и не всегда был в доступе для чекистов. Наверное, поэтому же получил бронь во время Большой войны и не лёг в безымянные рвы вместе с 40 миллионами своих сограждан. Уехал в Польшу он после смерти своей жены, и моя связь с ним прервалась.

Моя бабушка — мать отца — имя, как музыкальная фраза: Аделаида Витольдовна. «Деля», — звал её дед, а она, сидя в кресле, откидывала руку с короткой дымящейся папироской между пальцами и медленно поворачивала голову. На витых шнурах над ней висел старинный абажур синего матового стекла, по которому среди камышей брели, так никогда и не догнав друг друга, два охотника в шляпах с перьями и с карабинами наперевес. А на коробке с папиросами (и лет до семи я гордо верил в это) было напечатано её имя: «Дели».

Мой отец после контузии, полученной в самом начале войны (он был стрелком-радистом в танке, и начал воевать под Минском) оказался в Ульяновске, где и познакомился с моей будущей матерью. Она была девочкой из провинциальной еврейской семьи. К лету 41-го успела окончить школу-десятилетку в городе Нежине Черниговской области Украины. Умная учительница в начале июля собрала школьников-евреев, и эта группа лесами ушла на Восток.

В октябре её мать и отец, как и вся еврейская община города, были убиты айнзацгруппой на окраине Нежина. А всё-таки добравшаяся до Москвы девочка Шифра была эвакуирована в Ульяновск, где и познакомилась, в госпитале, наверное, с симпатичным молодым старшиной, через несколько лет ставшим моим отцом.

2

Я родился в Новосибирске в 1947 году, и моё детство прошло на его северной окраине. Лес начинался рядом с домом. Улица Переездная, в конце которой я жил, растворялась в нём. И оказаться внутри другого мира было просто: утром встаёшь с кровати, надеваешь сандалии или (если снаружи зима) — валенки и выходишь из дома.

Он, этот лес, вместе с маленькой тогда ещё чистой речкой, текущей сквозь него, и был моей малой родиной. От отчаянья, сопровождавшего меня внутри дома (мать болела туберкулёзом лёгких и надрывно кашляла ночами, а я плакал, забившись под одеяло, и думал о том страшном существе — взрослые называли его бациллой Коха, что поселилось в ней), я убегал, засыпая, в придуманный мной зимний мир. Я обустроивал свой сон, навьючив детские санки примусом, старым пледом и буханкой хлеба с куском колбасы, впрягался в них и деревянными лыжами торил тропу между чёрных стволов сосен. Потом спускался на лёд Оби, оставив где-то позади тёплый кокон отчего дома, и начинал путь на Север. Я шёл по бесконечной белой ленте — руслу большой, скованной льдом реки. И, двигаясь по узкому коридору между сном и явью, попадал в совсем глухие места, залитые холодным светом и очень просторные. Вход туда был таким удивительным устройством — полотняной лентой Мёбиуса, проходящей через мою детскую кровать. Эта штука начинала работать, если, засыпая, я принимал решение ночью добраться до одного из промежуточных пунктов на своей трассе и заночевать на льду. И тогда изнанка тёплых скомканных про-

стыней незамедлительно превращалась в ледяные торосы на пути в «белое безмолвие». Каждую ночь я, выбиваясь из сил, преодолевал очередной участок своего «Великого санного пути» (3), но ни до одного из бивуаков так никогда и не добрался.

Иногда я нагружал санки и в реальности зимнего сибирского дня, сменяющегося сумерками уже к четырём пополудни. Потом, вытоптав валенками площадку в снегу, разводил костёр в глубине леса. И тотчас же неподвижные чёрные шершавые стволы сосен оживали, и начинали свой танец, выпрыгивая из темноты и снова прячась в неё. Ритм этого движения укачивал меня, и в конце концов я оказывался внутри сложенной «ковшиком» тёплой ладони...

Запах тех снега, дыма и свистящей в огне сырой сосновой хвои живёт во мне и сейчас.

Лет пять спустя, прочитав «Капитана Гаттераса», я долго размышлял над финалом романа. Там смелый полярник всё бредёт к полюсу, безошибочно выбирая дорожки сквера психиатрической лечебницы, ведущие на север.

«Ледяную слезу со щеки сотри: / это с Севера дует, зажмурь глаза. / Снег забил кюветку долины, ту, что внутри. / В ту, что снаружи? — не вступишь, иди назад. / И не бойся ночи: сюда не доходит свет. / Слово в горле кость, остаток дороги той... / Опрокинутый ковш Медведицы, давний бред. / Подожди! Заговори словечко! Окликни! Стой!».

Летом я надолго убежал внутрь соснового бора, и, возможно, особые отношения, сложившиеся у меня с деревьями, водой и травой, я передал Саше. Я не очень доверял миру людей, а прозрачная вода в мелкой лесной речке так внятно и дружелюбно перешептывалась с песчаным дном, чуть проседающим под моими босыми ступнями.

Если лечь лицом вниз, не закрывая глаза, и двигаться, отталкиваясь от близкого дна пальцами ног и рук (тогда это так и называлось: «по дну руками»), можно было стать участником долгого увлекательного разговора. Прислушавшись

к нему, ты начинал понимать язык, грамматика которого состояла в перемещении волн и ряби с поверхности бегущей воды вниз, туда, где они превращаются в неподвижный свей* с вкраплениями крошечных раковин. Иногда можно было увидеть, как маленький водоворот играет с жёлтой песчаной волной на дне, превращая её в замысловатый рисунок. Как-то, вглядываясь в копошащийся в песке вращающийся прозрачный жгутик, я ощутил, что раковины, и маленькие, и те, что побольше, — его близкие родственники, только сумевшие остановить время: перестать течь.

Эти вода и песок были давно забытым всеми, кроме меня, дном исчезнувшего мира. Русло речки тихо размывало его, и я опускался всё ниже и ниже, туда, где вещи уже забыли свои имена, и прикасался к ним, не нуждающимся в опознании, немеющими кончиками пальцев. Иногда меня выносило на отмель, и, перевернувшись на спину, я видел облака (казалось, что они внизу, подо мной) и цепляющиеся за воздух корни сосен на краю песчаного обрыва. Я глядел на них сверху, ощущая кожей спины крошечные кристаллы песка и чешуйки раковин.

Они, эти сосны, не торопились умирать. Их вершины колобродили под порывами ветра; это движение, начавшись с невесомых зелёных хвоинок в кроне, раскачивало ветви, потом дрожью передавалось вниз по стволу; струйки песка текли по сухим шелушащимся корням, и когда всё же приходил черёд какой-нибудь из них, она, падая, просто становилась наклонным мостом над своим нешироким Стиксом. И, бывало, я переходил по нему на ту сторону...

3

Первые 15 лет её жизни я надеялся на то, что Саша выздоровеет. Подсознательно защищаясь от безысходности,

* Свей — это волнистая песчаная рябь, навеянная (свеянная) ветром (от свеивать).

я интерпретировал её болезнь как особое «продвинутое» состояние: «дети индиго» и прочая фигня по разряду Нью Эйдж. Перечитывал «Гадких лебедей» Стругацких. 10 лет водил Сашу в коррекционную школу. Штудировал литературу по аутизму. Это помогало сохранять надежду на благополучный исход, но потом как-то очень быстро надежда стала исчезать. А в последние годы исчезла совсем. От этого стало и тяжелее, и легче одновременно. Тяжелее, потому что всё ближе подступает момент собственного ухода, а ведь она даже и не попросается со мной, когда это произойдёт. С собственной смертью я как-то разобрался: мне помог в этом небольшой, но весомый военный опыт. А о том, какво уходить будет ей, я стал задумываться, увидев несколько пожилых людей с диагнозом аутизм во время поездки в Израиль. А в Сашиной системе координат смерть близкого человека (а, возможно, и смерть как таковая) просто отсутствует.

Легче, потому что все узлы как-то развязались, а надежда и иллюзии исчезли. Ведь иллюзии сродни гравитации. И чем они основательней, тем выше ускорение свободного падения. Большинство людей так и живут пленниками «планеты-гиганта» своих иллюзий. И расставаться с ними, расплываясь о поверхность реальности, очень больно. А когда иллюзии уходят — это как обретение способности к полёту в пустом пространстве. Твоя миссия завершена, остаётся равномерное прямолинейное движение с предопределённым финалом, и уже совсем не мешают соображения про встречу «Там», «Другую реальность» и т. д.

Главная иллюзия, всегда возникающая у взрослого при общении с ребёнком-аутистом, — это стремление побудить его увидеть мир таким, каков он есть «на самом деле». Совсем забывая, что для него никакого «на самом деле» нет и в помине. «Спасти» при этом подходе будет означать: перетащить аутичного ребёнка в свой, нормальный мир. Но ребёнок, как правило, не в состоянии совершить этот переход.

Ведущий специалист по детскому аутизму в РФ профессор Никольская выявила «хронический дискомфорт такого ребёнка в отношениях с миром», и его (ребёнка, не мира! — С.Б.) «всепроникающую недостаточность». Я думаю, что честнее всего в ситуации патронажа ограничиться «программой-минимумом» и попытаться (очень редко это всё же удаётся) приучить ребёнка к минимальному набору разумных социальных действий. Правда, здесь ещё необходим достаточно добрый мир вокруг него.

Ирис Юхансон — аутистка из Швеции (4) — сумела выбраться из своего замкнутого для других внутреннего мира — во внешний. «Девочка изнутри», так называется одна из глав её книги, нашла тропинку наружу и стала практикующим психотерапевтом.

Я же интуитивно хотел сделать обратное: оставить нормальный мир позади и вести подкоп внутрь этой «пустой крепости» (5). Для этого почему-то нужно было спуститься в самого себя, забыв о страховке. Идти туда, где кончаются заметённые снегом человеческие следы. И почему-то главным на этом пути было шагнуть в своё утраченное время и увидеть его заново.

Я пытался воскресить забытого подростка 1960-х, выдирающегося из-под обломков рухнувшей семьи. Мальчику-бродягу со штопаным абалаковским рюкзаком за спиной, где попеременно с мятым «вафельным» полотенцем, банкой говяжьей тушёнки и запасными шерстяными носками лежали томики старой китайской и японской поэзии, «Доктор Фаустус» и книжка рассказов Акутагавы.

«Он, шестнадцатилетний, стоял у книжного стеллажа в маленьком бревенчатом магазине, скорее – лавчонке, с пыльным окном, выходящим на дамбу водохранилища. Несколько месяцев назад рядом с этим местом, в одном из больничных бараков рабочего посёлка строителей Обской ГЭС, превращённом в убежище для безнадежных больных, умерла его мать.»

Он увидел эту книгу случайно – серый переплёт и ядовито-зелёные, вдавленные в картон буквы: «Акутагава Рюноске. Нобеллы». Он раскрыв её наугад и сходу начал читать о человеке, стоящем на верхней ступеньке стремянки в книжном магазине в Токио. Главным в этом тексте (он сразу это понял) был меркнувший свет короткого зимнего дня за окном, рядом с той стремянкой. Он ещё не очень ориентировался во времени, но вроде бы век был тот же, в котором жил он, только – первая четверть. Холодно-отрешённый тон повествования сразу же покорила: автор был чем-то очень близок ему, может быть – той глубиной отчаянья, в которой мальчик жил после смерти матери.

Он ещё не знал, что доживёт до окончания своего века и даже ненароком получит билет в следующее тысячелетие. А сейчас он висит в верхней части колодца, на дне которого жил автор рассказа. Но – не выше его. Стремянка «европейского образца», на которой стоял тот молодой японец (так же, как и он, любивший, больше гаснувшего за окном мира, Чехова и Тургенева, Франса и Ницше), была установлена там, где слова «верх» и «низ» не имели привычного смысла. Но всё же – опиралась на грязные доски пола в струпьях сурика, на которых стоял он в своих старых баскетбольных кедах. Вот такой.»

«Итак, пора положить в рюкзак / томик Мацуо Басё / и, сбросив с весов все «против» и «за», / шагнуть сквозь Ничто

*и Всё. / И долго брести вдоль чёрной воды / под шорох чужих лесов.
/ А смех твой – только пепел звезды, / падающий на песок».*

*«Реальность помножена на трансцендентность, / и давит
на плечи рюкзак со стихами. / А мир так распахнут, что некуда
даться: / в себя по себе без страховки спускаюсь. / Я ниц и без-
домен, а мир – беспфриутен, / лагуна оставлена, берег безмолвен,
/ и плещутся волны в разбитой каюте / моей головы. Океанские
волны. / Всё это окончится психбольницей / в Сибирском Чи-
каго, задушенном снегом. / На тумбочке книга, в ней – чёрные
птицы, / и нет никого, кто поможет побегу».*

«Книга на тумбочке» была томиком серого полотна с тремя разноцветными рельефными мазками кистью по центру обложки и чёрной, как бы неряшливой надписью под ними: Vincent. Первое послевоенное издание на русском языке романа американского писателя Ирвинга Стоуна о Ван Гоге: «Жажда жизни». Одна из главных книг мои – 16.

Заведение для умалишённых (я попал в него после посещения военкомата), двухэтажные красно-кирпичные корпуса которого располагались в углублении позади железнодорожной станции Новосибирск-Главный, предоставило мне палату на 25 человек с двухсотваттными электрическими лампочками без абажуров над головой и инсулиновую терапию в течение полутора месяцев. Лампочки зажигались в ранних зимних сумерках и горели всю ночь, а судороги инсулиновых шоков – маленькие яростные штормы – сотрясали население палаты в каждый из коротких зимних дней, включая выходные. Нас прикручивали к железным кроватным сеткам свёрнутыми в длинные жгуты простынями, делали инъекцию инсулина, и через некоторое время начиналась «пляска святого Витта». Наши тела дергались, а потом выгибались и застывали над кроватями, чтобы тут же упасть вниз. Словно невидимые партизаны подрывали мосты над замёрзшей рекой. По завершении комы санитары отвязывали пропитанные потом мокрые простыни и разносили страдальцам сахар-

ный сироп в пол-литровых стеклянных банках из-под компота или маринованных огурцов.

Когда мне было лет семь, раскапывая дедовские книги на пыльном чердаке, я наткнулся на потрёпанный томик в бледно-зелёном переплёте. Он лежал рядом с латунной геодезической буссолью, сохранившейся у меня до настоящего времени. Наискосок, снизу вверх, двигались по верхней крышке переплёта сквозь метель нарты с впряженным в них человеком. А двое других подталкивали их сзади. Книга называлась: «По следам жертв ледяной пустыни» (6).

Самое странное, что, возвращаясь сегодня в свои отрочество и юность, эту «зону высокой турбулентности» (туберкулёз в 12, ранняя смерть матери, бегство из отчего дома, психиатрическая лечебница, попытка суицида в 19), я воспринимаю их как годы ученья, интенсивный курс подготовки к встрече с Сашей. Словно она уже существовала в ещё не сбывшемся времени и протягивала мне руку оттуда. И из этого следовало, что уже тогда мне нужно было с головой «окунуться в бездомность», навсегда забыть о правильной глиссаде, притирающей тебя к аэродрому «дольнего» мира, чтобы не разминуться с ней в её мире четверть века спустя.

«...Ведь бездомность в небе лучше прописки в земной норе. / И затягивался звёздной махрой, присев у чужого огня, / одинокий странник в вечном своём октябре».

И ещё, но это пришло через несколько лет, нужно было отказаться от надежды. Надежды что-то поправить в этом рушащемся доме и в конце пути понять, что я имею дело не с творением человеческих рук, но с оползнем в горах. Потому что, «пока хоть листик у надежды бьётся», ты думаешь, что ещё можно вернуться, можно что-то переиграть...

Она, восьмилетняя, стоит, прислонившись лбом к холодному стеклу. Редкие белые хлопья, первый десант зимы, падают вниз сквозь ветки сбросившего листья клёна. Маленькая кисть руки танцует над левым плечом. Слышу, как она внятно произносит: «Снег, снег, снег, снег...».

Я соображаю, что это — слова из старой песни Горюхиного. И заканчиваю за неё: «...снег над палаткой кружится. По берегам замерзающих рек — снег, снег, снег». Когда она отходит от окна, я замечаю маленькое облачко пара, осевшее на стекло. Словно растаявший снег из песни. Потом оно исчезает.

«С сумасшедшей дочкой бродяжил, сам теряя последний ум, / и репейнику в мёрзлых полях не помню, что говорил, / И оглохшему небу орал: „Улялюм, твою мать, Улялюм!“ . / А в ответ холодное эхо, как снег, губами ловил».

4

Линия матери. Моя вторая жена — мать Сашеньки, её младшей сестры и двух младших братьев — родилась в Москве. Уже в юности она вошла в диссидентское движение, и через несколько лет стала узницей совести. Лефортово, мордовский лагерь, ссылка в Сибирь. Её отец был сыном известного русского поэта, друга Есенина и Андрея Белого. Мать — театральным критиком; сразу же после рождения своего первого и единственного ребёнка у неё случился тяжёлый нервный срыв, она отказалась от грудного вскармливания дочери и избегала телесного контакта с ней. А моя мать заболела туберкулёзом лёгких сразу после моего рождения. И по ясным медицинским соображениям прекратила телесный контакт со мной. Я смутно помню, что «с двух до пяти» сильно переживал по этому поводу.

5

Саше полтора года. Ранняя весна. Мир вокруг нас похож на прозрачную, сорвавшуюся с карниза сосульку, в полёте поймавшую кусочки солнца и неба. Идём мимо Музея музыкальной культуры рядом с нашим домом в Оружейном переулке. Навстречу — красивая девушка в мини. Саша, восторженно: «Ах, ножки!». «И ещё какие!» — поддерживаю я правильное и приятное начало разговора.

Может быть, корень проблемы в том, что она начала говорить слишком рано? Как там у Пастернака: «Так начинают. Года в два от мамки рвутся в тьму мелодий, щебечут, свищут, а слова являются о третьем годе».

Как же: щебет, свист, лепет «года в два»! В полтора года она сознательно декламирует стихи. А потом её словно затягивает в воронку, в глубину речи, где она захлёбывается потоком, ещё не ставшим словами; «шёпотом, родившимся прежде губ». Там — внутри.

Что-то не так.

Осенью 93-го едем в Дивеево. Странное место и странное время. Много несчастных фанатиков, продавших свои квартиры в разных, часто очень комфортных городах страны и съехавшихся сюда вместе с детьми в неблагоустроенные деревянные клетушки (впаренные им мошенниками-риэлторами) в ожидании конца света.

Москву захлёстывает политический кризис, плавно переходящий в гражданскую войну, телевизор возгоняет мрачные ожидания верующих до точки кипенья. У страны и у её насельников вышибает предохранительные клапаны. Атмосфера кликушества и отчаяния, выплеснутая в обычное общение между людьми, захлёстывает все вокруг.

А Саше около двух лет. Её сестра Маша — грудная. И с ней возится её мать. Каждый вечер она, толкая коляску перед собой, движется по «канавке» вокруг монастыря в бесконечной цепочке людей в чёрном со свечами. А я вожусь с Сашей, читаю ей детские книжки. Она довольно быстро выучивает и с охотой рассказывает стишок из антологии детской зарубежной поэзии: «Дождик. Сырость. Мокрота. Не увидишь ни кота во дворе, ни кошки. Старый кот не так-то прост: выставил в окошко хвост. Есть ли дождь в окошке?». Дождь, кстати, в окошке есть. А когда он кончается, я катаю Сашу по городку и окрестностям в удобной красно-синей раскладной колясочке.

Втискиваемся со сложенной коляской в автобус, наугад уезжаем в какую-нибудь из близких деревень. Я раскладываю наш «внедорожник», и начинается путешествие по

хвойным тропам. Однажды, сквозь осенние глухие леса, они привели нас к соснам у тёмной заводи маленькой речки. Никогда до этого не встречал таких: огромных, мудро склонившихся над чёрной водой, бережно хранящих укрытость этого места.

Купаюсь в чёрном прозрачном и очень холодном омуте. Корни сосен рядом со мной. Они тянутся в глубину, и когда я ныряю, оказываюсь в подводном гнезде. Отчётливое ощущение мягких рук, придерживающих тело. Выбравшись на берег, развожу костёр, разогреваю взятую из дома гречневую кашу. Кормлю Сашу с ложечки прямо из закопчённого котелка.

Возвращаемся по травяной дорожке, выползающей из леса на гребень холма. Там, вверху, словно распахантые настежь ворота. Я ещё не знаю, что это моё с Сашей будущее распахануто перед нами, и что «его уже не втянешь в спор, и не заластишь», а вместо спора вот прямо сейчас — прилетит мне жёсткий прямой удар в голову, и будет нокаут на четверть века.

С одной стороны заросшей травой тропинки огромная сосна, напротив — берёза — трепещущий на ветру золотой факел. Вход в другой, явно лучший мир, и оттуда льётся на нас прозрачный, холодный свет. Я останавливаюсь, говорю Саше: «Как красиво!». В ответ она начинает отчаянно кричать. Крик продолжается больше минуты. Я пытаюсь понять: может быть, она защемила ногу или руку металлическими сочленениями коляски? Но нет. Всё в порядке. Только вот слов она говорит к вечеру (и назавтра) меньше и от картинок в книжке отворачивается.

С этого момента молчание поселяется в ней, начинает прорастать изнутри. Как дерево: вширь, вглубь и ввысь. Речь постепенно теряет объём, скукоживается, как шагреновая кожа. Несколько лет, на гребне сильной эмоции, она ещё может что-то пробормотать, выкрикнуть. Но на вопросы — не отвечает. Потом она перестаёт называть окружающие предметы. Это похоже на мир под водой. Плотная и прозрачная среда, в которой нельзя крикнуть — сразу за-

хлебнёшься. А когда наступит зима, вода станет твёрдой. И там девочка окажется внутри жёсткой кристаллической решётки абсолютного молчания. Словно сразу рядом с её кожей начинается пустое пространство, и в нём не проплывают облака, не раскачиваются деревья. Да что там, теперь, похоже, уже нет ни облаков, ни деревьев! То, что мы называем этими словами, уходит из Сашиного мира. «Язык — дом бытия», и уют в этом доме — знакомые, **оживающие в назывании**, налюбленные постоянным общением с ними предметы, а она медленно, осторожными шагами (почти на ощупь) уходит из него, пока ещё только пробуя эту особую бездомность на вкус. Маленькая страница с дырявой котомкой, и с каждым шагом всё легче груз за спиной.

В это же время Саша перестаёт выполнять просьбы, не подчиняется бытовому распорядку. Два-три десятка команд, которые обычно выполняет трёхлетний ребёнок, перестают что-либо значить. Она не принимает в расчёт никаких «нельзя», «не нужно». Кажется, что позабыты не только слова, но и фиксируемые ими логические связи между вещами этого мира. Не выполняются законы взаимодействия, обеспечивающие комфортное пребывание в нём.

Как-то я иду с ней, четырёхлетней, по рынку рядом с маленькой железнодорожной станцией. На мгновение выпускаю её руку из своей, подавая деньги женщине за лотком. А когда оглядываюсь на Сашу, она уже бежит вдоль лотков с товаром, приподняв освободившуюся руку, и раскрытой ладонью сбрасывает на снег пачки печенья и чая, банки с консервами, какие-то мелкие предметы, а торговки ошеломлённо смотрят на неё — воплотившийся в человеческое существо маленький смерч.

Она становится похожей на птицу, мечущуюся по комнатам в поисках открытого окна. Промельк крыла между каменных стен, глухие удары о стекло. А потом — маленький пуховой комок, остывающий в твоей ладони. И — четыре стороны тьмы там, за четырьмя наглухо забитыми окнами угловой башни.

«Я слово позабыл, что я хотел сказать. Слепая ласточка в чертог теней вернётся...»

«Неоднородная плотность молчания», — говорю я себе, пока мы идём к Патриаршим. На чуть припорошенном снегом берегу пруда она вырывает свою руку из моей — радостно и отчаянно кричит: «Уточки!», словно прощается не с ними, а с самим криком: «Уточки! Уточки! Уточки!»

«Так вслушиваются (в исток / вслушивается устье). / Так внюхиваются в цветок: / вглубь — до потери чувства!.. / Так вплясываются... Велик / Бог, посему — крутитесь! / Так дети, вкрикиваясь в крик, / **вмалчиваются в тишь**» (М.Ц.).

Она падает в молчание, как падают с разбегу в воду, и плывёт там, вниз, в маленькой прозрачной субмарине, зависшей между поверхностью этого океана и песчаным дном, на котором, как в твёрдых бороздках виниловой пластинки, записаны голос ветра и волн. Спустя время я начинаю догадываться, что всё дело в движении невидимой воды, в подводном течении, уносящем её из нашего мира. А я хочу понять, как устроено место, где происходит прощание уже и с внутренней речью. В одном из текстов Новалиса, озаглавленном «Монолог», сам заголовок указывает на тайну языка: язык говорит один и наедине сам с собою.

«И как раз собственную суть языка, — то, что язык занят лишь самим собою — никто не знает».

А молчание не поименовывает. Оно встречается с самим собой, только — с самим собой.

6

Порождающая грамматика молчания... Стоять у дерева, ушедшего (от кончиков корней до последней хвойной иглы в кроне) внутрь себя, стучаться, как в запертый дом, в чужую немоту. Девочка блуждает в лесу, где каждое дерево бесповоротно потеряло имя. Её странная внутренняя речь не превращается ни в звучащий голос, ни в знак на письме. Её язык — не система правильных паролей, предполагающих опознание, отзыв, а — диспозиция умолчаний. Её крик, её мычание, стон — эхо, только отражение слов, заплутавшихся внутри тела. Потом и оно исчезнет...

Я ощущаю, как внутри меня напрягаются, а потом — рвутся звуковые связи с ней, заменяясь болезненно плотной немой — любовью-жалостью. Оказывается, общение — это по большей части обмен друг с другом именами предметов

и состояний. В каждый момент мы как бы подтверждаем друг другу устойчивость, неизменность окружающего нас мира, чтобы не затеряться в нём. Забыл слова — и в этом муравейнике ты навсегда чужой. Мне кажется, что мы с Сашей живём в совместном невнятном сновидении. Грубыми стежками я пытаюсь латать дырявые границы снов. Но обрывки нитей запутываются, узелки ничего не держат, сеть рвётся, и вот мы — сиамские близнецы, которых разодрали на две части и бросили в темноту! Я вроде рядом, но уже на другом континенте. Вернее — это она — на другом. А я-то свой не покидал.

Я словно бы развыкаю жить так, как жил раньше. Прежняя жизнь и то, что происходит со мной сейчас, — не стыкуются. Не могущее быть мной, то, что не может быть опознано, всё же поселяется во мне, и я ощущаю эти пустые сгустки внутри, как опухоли, похожие на зияния.

В январе 95-го уезжаю на Первую чеченскую войну волонтёром-спасателем. Саша со своей матерью и с маленькой сестрой остаются в дачном домике рядом со станцией Клязьма.

Потом, по возвращении, жена расскажет мне, что трёхлетняя Саша часто забиралась внутрь моего чёрного кожаного плаща, висящего на гвозде за дверью. Залазила в него, как в кокон, и часами молча простаивала там. Может быть, она видела и пыталась уберечь меня, прощающегося с жизнью в подвале грозненской поликлиники.

«...Это был бетонобойный снаряд: болванка, пробившая перекрытие. Куски бетона с потолка убили молящегося на коврике ополченца, как бы удачно завершив его намаз, а туча пыли ворвалась в наше тупиковое убежище, сделав серыми даже ярко-зелёные повязки на лбах боевиков. И теперь это всё больше стало походить на прижавшуюся к дну моря подбитую субмарину. Удары сверху шли уже непрерывно, и я, приложив ладонь к потолку, почувствовал тонкую вибрацию перекрытий. Мы теряли герметичность. И вроде бы нужно было готовиться к Переходу. Прижавшись спиной к бетонному блоку, я спросил у соседа: что

теперь нужно делать? Это был шустрый чеченец, лет под пятьдесят, и, посмотрев на меня, он сказал:

„Хвара дуня вайн дац, — и сам же перевел себя. — Этот мир не наш. Главное, друг, не суетись, и ты и не заметишь, как очутишься в другом. Эти полости в земле соединяют жизнь и смерть нашего лучшего вашего метро. Лягт киера — пузыри земли, — засмеялся он, — а, может быть, мы уже там, внутри них, и просто не заметили перехода“».

Летом 95-го арендуем квартиру рядом с Лосиноостровским лесопарком. У Саши экстремальная двигательная активность. Стоит на секунду отвлечься, и девочка исчезает из поля зрения. На прогулках я гоняюсь за ней и очень боюсь потерять, потому что она не откликается на голос, как обычные дети. Совсем не боится потеряться. То, что я называю «потеряться», — это взгляд с моей стороны.

С её — наверняка всё выглядит иначе. Или, быть может, она движется в чём-то более плотном, чем я, и законы преломления света в этой среде не позволяют мне видеть её непрерывно. Может быть, она абсолютно независима, и исчезновение — живая метафора этого редкого вида независимости. Она движется странными рывками, как бабочка, ослеплённая светом лампы и невзначай залетевшая к нам из темноты. Я испытываю даже зависть к такой свободе. Куда она хочет уйти? К кому, или — чему? И если она вбегает в невидимый мне ночной дом на пустыре, то в чей?

Лето. Ежедневно мы прогуливаемся по лесопарку. По аллее навстречу нам идут люди. Каждые несколько минут она резко выпрыгивает из коляски и бросается к одному из них. Обхватывает за колени, поднимает лицо вверх, счастливо смеётся. Как правило, не ошибается: те, кого она выбирает, не пугаются её, а дарят ей ответную улыбку, ласково треплют по волосам.

Поздней осенью улетаем в новосибирский Академгородок. Саша впервые в самолёте, а рейс ночной. После кормёжки, часа в два ночи, она встаёт с ногами на кресло. Мы в полусне и не замечаем этого. Её голова появляется над спинкой кресла, и она начинает отчаянно кричать.

Дремлющие пассажиры в ужасе просыпаются, кто-то вскрикивает, стюардесса бежит по проходу с деловым застывшим лицом, а Саша уже снова лежит, уютно свернувшись клубочком.

Мы оказываемся в маленькой частной школе для детей с отклонениями в развитии. Здесь неплохо поставлена арт-терапия (рисование и музыка), да и люди — хорошие. Саше уже четыре года, и её младшая сестра, которой всего два с половиной, как-то понимает ситуацию, пытается опекать её.

7

Когда наступает лето, Саша, забывая про людей, начинает общаться с деревьями и ищет дружбы с большими старыми соснами, которых так много в Академгородке. Она подбегает к дереву, наклоняется к нему, впечатывается раскрытыми ладошками в кору. Прогнувшись спиной, замирает на пару минут с отрешённым, чуть повёрнутым в сторону от ствола лицом. Поворачивает голову, словно прислушивается к молчанию годовых колец там, внутри. Потом, получив «сообщение», уходит. Деревья она выбирает очень тщательно, как выбирала людей на дорожках парка. Маленькие пальцы плотно прилегают к шероховатой коричневой коре. Один раз мне почудилось, что они чуть проваливаются в неё.

«Пульс времени», — думаю я.

Мы, люди, живём слишком быстро, частим. А там, внутри ствола, медленно набухает невидимая капля смолы, и — падает беззвучно, один раз в наш, человеческий год. И, как камень, оставляет круг на воде — оставляет годовое кольцо: её, сосны, затвердевшее время. Саша сквозь кору притирается к нему, хочет войти внутрь.

На занятиях в терапевтическом центре главная проблема — удерживать её внимание на чём-то хотя бы десятком секунд. Такое впечатление, что внутри её сознания находится скользкая наклонная плоскость, и по ней её проносит мимо учителя. Она не способна к «остановке мира».

Или — не хочет останавливать мир. А без этого умения с ним (миром) не договоришься. И он убегает от тебя.

Возможно, дерево «течёт» вдоль её восприятия с той же скоростью, что и тот отделённый от нашего «медленный» мир, внутри которого живёт Саша. И она прислоняется к стволу, как тонущий пловец обхватывает обломок мачты после кораблекрушения.

А за людей вокруг не зацепиться. Они скользят в сгустках своего индивидуального времени, ловко сговорившись друг с другом о чём-то непонятном, но важном для них. Это абсолютно непостижимо. Они что-то быстро-быстро говорят друг другу или тебе. Движение их губ похоже на трепет крыльев стрекоз. С их лицами что-то происходит, и невозможно понять: это несколько разных людей или только один человек. Словно перебегают, как солдаты из окопа в окоп, из одного лица в другое. Исчезают, прячась за бело-розовыми, мгновенно меняющимися масками, появляются из ничего, а потом прячутся снова неизвестно где. Не найти, не догнать!

Я ещё не умею понять (пойму через много лет), что её и меня выбрасывает из центрифуги мира с разными скоростями. Я ведь тоже — аутист, но тщательно маскируюсь. Знаю правила поведения на этом постоянном дворе и придерживаюсь их. У меня есть невидимая связка ключей, которые подходят почти ко всем дверям этого мира. Я не забываю слова и точно знаю время, когда и с какой интонацией их нужно произнести. Я владею нехитрой магией диалога, и поэтому если я спрашиваю что-то — мне отвечают. Но между мной и Сашей — провал, который нечем заполнить. Если я держу её руку больше трёх-четырёх секунд, она вырывает её. Люди прислоняются друг к другу речью, иногда — телами. А нас всё дальше относит друг от друга, и не выгрести против этого течения.

Я вижу пятилетнюю девочку, убегаящую от меня по ломкой заиндевевшей траве, не оглядываясь. Что видит она, я не знаю. А передо мной красный мяч падающего на лёд «Обского моря» закатного солнца. Ледяной ноябрьский

пляж. Здесь нет «уточек», а шару, висящему надо льдом, не крикнешь: «Подожди, не падай!». Он и не упадёт. Будет катиться внутри моей головы по чуть припорошённом снегом твёрдому песку. Он так и катится до сих пор, а тени за нами уже через весь пляж. По ним можно бы вернуться в тот полдень на краю лета, только — зачем? Это не солнце уходит. Это мы уходим.

8

Положить голову на ладонь ветра. Он унесёт нас к беличьему дуплу.

На следующий год, покинув Городок и прожив месяц в Москве, мы в конце лета поселились в деревне недалеко от старинного города Шуи. Уже под снегом мы расчищаем одичавший огород за бревенчатой избой, чтобы весной посадить там картофель. Я складываю основательные «вигвамы» из сухих сучьев, старых жердей, стеблей полыни, сломанных полусгнивших досок.

Потом жена выводит детей к огромному костру. Огонь делает мир вокруг недостоверным и зыбким. Мы раскачиваемся на мягком снежном плоту с костром посередине. Затерянные в темноте, плывём по белой реке под мерцающими звёздами. Снизу до нас доносится едва слышный хруст. Это наш плот раздвигает тонкие, как человеческая кожа, хрупкие пластины льда. Живое тело замерзающей реки чуть дышит под нами. Я молча прощаюсь с двумя маленькими фигурками, жму щимися к огню, соскальзываю к краю плота...

«... Сядь на корабль и курс проложи по дну. / Да не теряйся: в камбузе пошуйкай. / Вспомни о том, как когда-то любил одну. / Вверх погляди, там декабрь и ползёт шуга...»

А днём мы бродим путями верхнего мира по прозрачному льду Тезы, пробираясь к берегу рыбачьими тропами, протоптанными среди сухих стеблей осоки.

Долгими деревенскими зимними вечерами я рассказываю двум девочкам: четырёх- и шестилетней, истории

беличьего дупла. Обе они слушают внимательно, и молчание старшей уютно дополняет реплики и наводящие вопросы младшей. Так девочка Саша всё же окажется *внутри* своего дома. Это будет такой странный, определённо, настоящий дом — дупло старого дерева, которое внутри нас. Хвоя будет прорастать в слова, а слова сплетутся с древесными волокнами: двойная, надёжная защита. Комната в этом доме станет её единственным прижизненным убежищем. Возникнет автономный мир, в который невозможно попасть чужому. Этот мир будет хранить себя сам и весь уместится на большом топчане рядом с русской печью, где все мы спим вповалку, спасаясь от холода, и одновременно — между двумя годовыми кольцами внутри соснового ствола. Я долго занимался безопасностью и интерьером этого жилища. Вход в него устроен как лабиринт, и дети твёрдо знают, что Чужой не сможет его пройти. Только, убегая, оставит обломанный коготь, застрявший внутри годового кольца за вторым (главным!) поворотом смолистого коридора. И мы всю зиму, возвращаясь с прогулки, будем вешать на него тяжёлую, в комочках подтаявшего снега, верхнюю одежду. Мы — шаманы среди снегов — каждую ночь будем создавать, и заселять закрытые для всех, кроме нас, миры. Беличий мир, потом — мышиный. Белки будут спасать заблудившегося зайчонка, а умные мыши — варить похлёбку на маленькой чугунной печке. А, когда у них кончатся дрова, впрягутся в санки и побредут к снежной поляне с одиноким сломанным дубом. Прошлым летом во время грозы молния прожгла дуб насквозь, и как-то ночью, пробираясь по тропинке, мыши увидели огромный жёлтый глаз, жутко глядящий на них из дупла. Так в их мире появился одноглазый филин, и сейчас они снова боятся увидеть его. Но дровишки-то кончились! И он снова будет выслеживать их, а они снова будут убежать от него по лунному лучу к сурочей спасительной норе.

Плотное время сказки будет мягко пульсировать в нас, а мир вовне истаёт, станет прозрачным и необязательным.

Следующей осенью Сашу принимают в «Центр лечебной педагогики» в Москве. Проблемных детей ведут очень хорошо подготовленные специалисты, которым удаётся многое, но главное — это атмосфера деятельной любви, окружающая детей. Ничего подобного, несмотря на длительные поиски, мы потом не нашли. За любовь к тамошней вкусной похлёбке и ещё потому, что в группе оказывается ещё одна Саша, воспитатели ласково дразнят её «борщевой Сашей». Она занимается там три учебных года, и её акварельные рисунки ещё и сегодня висят на стенах нашего деревенского дома. Если долго глядишь на них, особенно осенним пасмурным днём, то вдруг видишь, как цветные пятна превращаются в туннели, наполненные светом. И так хочется войти внутрь!

С началом следующего лета мы возвращаемся в деревню и много ездим на старом велосипеде, к багажнику которого я приделал детское креслице. Я останавливаюсь, снимаю Сашу с велосипеда, и мы подходим к прогнившему еловому пню на краю лесовозной дороги. В нём — чёрное зеркальце воды. Саша долго всматривается в него. Я, заглядывая сбоку, почему-то не могу увидеть её отражение. Это озадачивает, и, когда она отходит в сторону, я долго всматриваюсь в чёрный круг. Моё лицо прорастает из полумёртвых корней, сплетённых там, внизу, с другими корнями. Эта лужица чёрной воды нехотя принимает меня в себя. Её — отталкивает.

«Пустота сверху — безнадежное с Небом вече, / А она бредёт меж корней, назначает встречу / Той звезде, что пылает в исходе норы кротовьей, / Плавником луча купаясь в смолистой крови».

Летний вечер. Укрытая от чужого взгляда полянка в ближнем лесу. Она стоит, чуть покачиваясь на травяной кочке, оставшейся от давно высохшего болота. Ей шесть лет, и это её вторая осень в деревне. Уже три года она ошупью ищет тропу через растущее в ней молчание. Компаса у неё нет: вместо него — только круг старой виниловой

пластинки, умеющий рассказывать про волшебный кораблик.

«Сам... себя,.. говорят,.. он... построил... / сам... себя,.. говорят,.. смастерил», — с трудом, как тот кораблик из песни, произносит она. Захлёбываясь в волнах, пытается строить речь, но волны вокруг всё выше, а провалы между словами уже не перепрыгнуть. А она всё рвётся вверх, и запинаящиеся слова, как гложущий сигнал бедствия. В темноте.

Мы с Сашей бродим по полям за деревней. У неё в руках как-то сами собой появляются стебли травы, какие-то прутьики, головки репейника. Я не успеваю увидеть, где она подбирает их. Она сплетает из них небольшие пространственные конструкции. Однажды мне пришло в голову назвать их: **узлы**. Они явно что-то связывают и удерживают, но что — я не знаю. Её пальцы движутся очень быстро, как у опытной плетельщицы корзин или ковров. Кажется, что она ткёт основу своего мира. И вплетает себя в него.

Часто пальцы замирают и сами становятся частью какого-то странного гнезда, клетки, невидимого убежища, висящего над колеблемой ветром травой.

Потом они разжимаются, а «убежище» несколько секунд висит в тёплом воздухе, прежде чем исчезнуть в траве. Или порыв ветра уносит его.

Иногда она обходится только воздухом, и пальцы что-то делают с пустотой. Больше всего это похоже на работу скульптора с невидимой мягкой глиной. Я чувствую усилие, с которым пальцы вторгаются во что-то плотное, но невидимое мне. Самое интересное, что в эти моменты она чуть отворачивает голову в сторону, словно взгляд на руки чем-то может помешать этому важному делу. Конечно, мешает! У пальцев своя жизнь, и взгляд мешает им, как внутри важного дела мешает чьё-то чужое внимание или присутствие.

Саша Божко. Имя (**корень имени**), возможно, «восходит к индоевропейскому корню: beu-sko, bheu-sko, bhū-sko, «гнуть, связывать» — «связка, пучок». С другой стороны, возможна связь с bhok, bho(s)k — «край, межа» (значение «дерево», «куст» в индоевропейском непосредственно

соотносится со значением «край, межа, периферия»... Ср. с. *bheu* – с индоевропейского: *bha* – «говорить». (М.М. Маковский. «Большой этимологический словарь современного английского языка»).

Куст на краю ойкумены, тянущийся ветвями за её предел.

«Не надо мне белым / по чёрному. Мелом – доски. / Почти за пределом / души, за пределом тоски. / Словесного чванства / последняя карта сдана. / Пространство, пространство, / ты нынче – глухая стена».

10

Аутизм «работает» за пределами обычных поведенческих практик. И пальцы, забыв об оставшемся позади теле, уходят куда-то очень далеко, в местность, где разумнадсмотрщик засыпает. И там, на периферии освоенного мира, вплетаются в само плетение, не нуждаясь в фиксирующем работу взгляде. Похоже, эта моторика сама по себе обеспечивает технику перехода на **ту сторону**, позволяет пробраться туда, не задев ни одну из теней **стражников**, пляшущих в тупике платоновской пещеры.

Уже много лет я пытаюсь понять «законы той стороны», проложить тропу в мир, затерянный где-то на дне наших голов. И так приблизиться к миру Саши.

Медитация о «неандертальцах»:

Они были встроены в долгие ритмы планеты: ближнего круга живых существ, растений, воды и минералов – жили внутри смыслов, порождаемых их бесконечно текучим и взаимопроникающим движением. Особенности их мышления могут быть поняты через образы фрактальной геометрии: «языка, на котором можно говорить об облаках» (Бенуа Мандельброт).

Возможно, они «свободно скользили вдоль временных потоков», выбирая нужный темп и ритм движения. Они не имели понятия о тех «циклических сгустках индивидуального времени», которые являются фундаментальной константой нашего бытия в мире и определяют «геометрию человеческого». Их ког-

нитивные «карты местности» были своего рода голограммами, изнанка которых выводила их носителей прямо на «тропы сновидений», по которым они двигались, как по бесконечно развёртывающейся цветной спирали множества Мандельброта. В конце концов они оказывались в странной местности: на последнем берегу мира, изгибы и изломы которого были как бы живыми сущностями, прорастающими в них...

То место, где она существует, возможно, является частью отменённого нашим миром проекта. Внутри которого можно, прижавшись ладонями к сосновой коре, легко скользнуть вверх, в крону дерева. Или — спуститься к корням, ползущим поперёк тропы, и стать участником их скитаний.

Начало июня. Закат на склоне пологого холма над Волгой. Мы стоим рядом, взявшись за руки. Спинами к заходящему солнцу. Ей 8 лет. Холодные лучи режут лес на тонкие пластины света и тьмы. Наши тени всё глубже уползают в чащу, а оттуда, из чёрной травы, смотрят на нас два горящих жёлтым огнём блюдца. Маленькая сова, сбитая на взлёте колючим лучом. Не дождавшаяся темноты.

Бродим по Битцевскому лесопарку. Зима. Пытаюсь, войдя внутрь Сашиного мира, сделать его чуть-чуть своим, рассказать о пустоте, сплетающейся с ветвями, хвоей, небом:

«Ты так прозрачен и пуст / мой лес на исходе дня, / что облачком пара с уст / слетает: „укрой меня!“ / Ведь только с тобой вдвоём / возьмут меня на постой / в тот страннопримный дом, / висящий над пустотой. / Там воздух холоден, жгуч / в осколках далёких сфер. / Есть там постоялец — луч / звезды, что нашёл Лефевр... / Ты скажешь: звёздную соль / в горбушку вотри скорей. / И — слушай: до, ми, фа, соль. / И — вникни: соль, ля, си, до, ре/». (7)

Так мерцает над нами далёкая двойная звезда, может быть, ждущая встречи с ней.

Мы, люди без особенностей развития (обычные люди), не ступаем на эти тропы. Чаще — даже и не подозреваем, что они существуют. Нам не прочесть послание, живущее в иероглифах сосновых корней и в мерцании звёзд. Наверное, Гёльдерлин к концу жизни понимал этот язык и даже

говорил на нём о «смертных, но по-своему, звёздах», висящих над нами. И предупреждал: «Но если кто-то покушается изведать (их бытие) — оно превращается в сон».

Я всё же попробую:

«Вечер. Выпуклость корня. / Полость небытия. / Мышка бежит проворно, / если бы не хвоя, / чьим коричневым мёдом / залит пологий склон — / солнечным световодам ночи попасть в полон. / Так, не ищи отсрочки — внятненький готов ответ: / мышью латыни строчки, заячьей прозы след, / хокку совы, сонеты, / жабы и волчий вой. / Вне человека спето. / Выслушано — травой».

Зимой 2002 года, прислушавшись к внятному голосу, зовущему меня из давно прожитых лет, прилетел с Сашей в Академгородок. Бродил с ней по тропинке, вытопанной в снегу по дну Золотой долины рядом с ручьём. Поднимались пологим склоном к медным закатным соснам. И я долго записывал веткой по снегу вдоль нашей тропы возникающие вслед каждому шагу слова:

«След мышки — застёжка-молния на пуховике зимы. / Долина в Северной Азии, где в детстве бродили мы. / Погнался за тем подфростком и впрыгнул в белый экран. / Вгляделся: и я и отрок — пылинки цветных игра. / Последний сеанс в киношке — фильм не крутнуть назад. / Икру отметили кванты, выключен аппарат. / Старик и дитя с котомкой бредут сквозь закатный свет. / А сосна нафастила мускулы, и ствол её фазогрет».

Наш локатор непрерывно сканирует плотный шум мира, и мы не можем различить отдельные голоса. Только внутри снов окликают нас голос неба, голос облака, голос травы, голос корней.

Никому не нужен этот «берег пустынных волн»: беззвучный грохот молчания вещей. А она всё бродит по бесконечным побережьям своего личного, необитаемого острова. Вслушиваясь в гул неслышного никому, кроме неё, прибора. Ей нечем ответить на этот вызов — только встречным молчанием. А я, как тень, бреду за ней следом.

Я случайно узнаю о программе дельфинотерапии для аутистов. В Севастополе есть место, где детей с различными отклонениями в развитии знакомят с ручными дельфинами. Я созваниваюсь с координатором этой программы, и Сашу включают в неё. Мы едем на поезде в Севастополь. У нас 10 часовых сеансов, и, как я скоро начинаю понимать, это очень много.

Дельфинарий находится на дальней окраине города в Бухте Казачьей. Рядом с пустым, зарастающим травой и кустарником военным аэродромом. Я почти телесно ощущаю плотное, остановившееся над растрескавшимися плитами взлётно-посадочной полосы время. Отполированные ветром стебли полыни, прорастающие сквозь трещины в бетоне, усыпаны кристалликами соли и сухими раковинами. Если наклониться и прижать ухо к их гроздьям, услышишь, как кто-то прикасается кончиком пальца к натянутой очень далеко струне.

«Родина — горький дым в самом конце пути. / После — ничем не пахнувший окаменевший след. / Войску кузнечиков-янычар здесь не пройти, / И ВПП замечает вчерашний снег.

Здесь не возьмёт ясак вершковый Алим-паша. / Хлопает пустотой аэродромный колдун. / Видимо, этот мир перековал Левша, / И спятивший механизм стрекочет: «Кун-дун, Кун-дун».

«Неба сухой наждак, белая кость стебля, / И трилобит на ней — палеозоя весть. / Ветер, как Демосфен, тужится выдохнуть: Бля! / Больше здесь никому нечего произнести.

Запах травы кер-мек к вечеру нестерпим, / как поворот плеча той, что фвала её. / Вот и жизнь домолот в этой чужой степи, / в ступке смешав полынь, крылья цикад и мёд».

Любой ребёнок, а не то что не принимающий никаких изменений в окружающем мире аутист, будет испытывать страх перед чужим существом, и долгие уговоры на краю трапа перед вольером не помогают. Весёлая зубастая морда внезапно появляется из воды и внушает опасения даже

мне. Служитель бросает рыбку, дельфин виртуозно выхватывает её из воздуха, а Саша пытается убежать. Понятно: зубы у него что-то сильно большие!

В конце концов я, обхватив её руками, плюхаюсь в воду, где чуть ниже нас скользит по кругу морской зверь. Зеленоватая спина с плавником оказывается рядом с нами, и я, схватив Сашину ладонь, пытаюсь впечатать её в плавник.

На третий день дельфин (её зовут Диана) привыкает к нам, а мы — к нему, и мне удаётся, прижавшись боком, закинуть Сашину ногу ему на спину, а за плавник (деться некуда) она уже хватается сама. Держится крепко, хотя и отворачивает голову в сторону. А дельфин, чуть разогнавшись у поверхности воды, уходит мягкой спиралью вниз вместе с Сашей. Потом он появляется из глубины, подмигивает мне и притормаживает рядом с трапом, откуда всё и началось. Саша очень сосредоточена. Она деловито и спокойно, держась за плавник, слезает с дельфиньей спины и сама по лесенке выбирается на дощатый настил. Потом дельфин получает заслуженную рыбку и исчезает в глубине своего прозрачного дома.

Нельзя сказать, что Саша с особой охотой лезет в дельфиний вольер, но теперь мне нужно просто подтолкнуть её кончиками пальцев, а потом прыгнуть самому. На шестой или седьмой раз я чуть задерживаюсь на мостике, Саша барахтается в воде, а Диана подплывает к ней совсем близко. Саше ничего не остаётся, как привычно закинуть ногу на скользкую чёрную спину и крепко ухватиться за плавник. И с мостика я первый раз хорошо вижу, как они спиралью уходят вниз под воду. Вода намного плотнее воздуха, и, наверное, эта плотность воспринимается девочкой как защитный скафандр, а я впервые начинаю понимать, как бесплотно то, что всегда окружает нас, и — что пустое опасное пространство начинается сразу рядом с моей кожей. Как незащитно человеческое тело, рывками перемещающееся в этой ненадёжной пустоте! В воде живут солнечные лучи, и я, не отрываясь, смотрю, как белая ма-

ленькая фигурка на тёмной спине дельфина, уменьшаясь, движется внутри прозрачных призм со светящимися гранями.

То, что с нами произошло что-то очень важное, я начинаю понимать несколько дней спустя, когда программа заканчивается. Саша, оказывается, теперь умеет отлично плавать. Она часто и глубоко ныряет. Женщины на маленьком пляже, куда мы приходим после дельфинария, отчаянно кричат и только что не бросаются на меня, спокойно сидящего на песке, когда она не появляется из-под воды полторы, две минуты. Наконец, Саша выныривает на поверхность с небольшим камнем в руке, внимательным оценивающим взглядом рассматривает его, что твой ловец жемчуга — раковину, выпускает и снова ныряет за ним. Никаких признаков усталости я не замечаю. И начинаю понимать, что она не хочет покидать воду.

В один из этих дней, когда послеполуденный зной начал спадать, мы подходим к небольшой бухте. Как раз той, где несколько десятилетий назад снимали знаменитый советский фильм «Человек-амфибия». Саша плещется у берега. Рядом с нами никого нет, только в углу пляжа два аквалангиста отдыхают рядом со своей «амуницией». Поверхность моря покрыта маленькими безопасными волнами. Вдруг я вижу, как Саша уверенно заходит в воду по шею, а потом начинает ровно и спокойно плыть всё дальше от берега. Я, ничуть не волнуясь, плыву за ней, и вдруг замечаю, что расстояние между нами увеличивается. Я громко окликаю Сашу, но она, не оглядываясь, ровно и сосредоточенно плывёт в открытое море. С минуту я ещё вижу её голову, а потом она исчезает между волнами. Мы уже метрах в ста от берега, и я начинаю понимать, что лидерство в этой гонке мне не светит. Я принимаю, как вскоре оказывается, единственно правильное решение. Из всех сил выгребая назад к пляжу, бегу к дюжим аквалангистам в ластах, торопясь, объясняю в чём дело. С некоторым сомнением один из них соглашается вернуть девочку. Только спрашивает: «Что сказать, когда догоню?» «Саша, поплыли обратно.

И сказать это как можно строже», — отвечаю я. Минут через двадцать они выходят на берег, и аквалангист шутит: «Наверное, в Турцию собралась!»

А я соображаю, что не окажись они здесь...

Потом я часто буду сожалеть, что повернул обратно за помощью.

Проходит ещё несколько дней, и мы возвращаемся в Москву. Эти две недели дали и мне, и Саше очень много. Я вижу, что её тело стало другим: исчезла угловатость, и движения теперь плавные и законченные. Ровный загар, сосредоточенность, кажущаяся совершенно естественной. Самоуглублённость, а не постоянно ощущаемое мной раньше падение во внутреннюю пропасть. Но речь не возвращается. Я читаю книжки про дельфинов, и, наверное, мне нужно бы бросить всё и поселиться с ней где-нибудь у моря. Но меня не хватает на это, и она остаётся в своём внутреннем море, отгороженная им от московского суетного мира.

Сегодня, когда я пишу этот текст, я отчётливо понимаю, что эти дни в дельфинарии были главным прорывным опытом в Сашиной жизни. В течение десяти дней она выучила и сдала на отлично какой-то неведомый мне экзамен, впервые вписавшись в нужный ей сегмент внешнего мира.

Поздней осенью летим с ней из Москвы через Новосибирск на Алтай. В Академгородке солнечно и минус 12. Это хорошее предзнаменование: обычно в конце октября — мокрый снег и тяжёлые облака над головой. Ночным автобусом добираемся до места. В темноте под большими осенними звёздами по обледеневшему мосту переходим Катунь. Перед нами долина, укрытая между лесистых гор, и бревенчатый дом на берегу ручья, замысловато петляющего среди заиндевевшей травы и камней. Когда светает, я вижу на северных склонах пятна снега.

Каждое утро мы по распадку поднимаемся на невысокий хребет, извивающийся, как спина древнего дракона, усыпанная кедровой хвоей, и несколько часов с остановками бредём по нему. Иногда мы видим внизу изумрудную ленту Катуня, иногда — кажется, что прямо рядом с нами, — далёкие снежные вершины. Мир и вокруг, и под ногами абсолютно чист и холоден. Саша спокойна, и во мне тоже поселяется тишина. С каждым днём она глубже, словно я медленно опускаюсь в колодец с невидимыми стенками и дном, выстланным хвоей. Туристский сезон давно окончен, и мы за неделю этих походов не встретили ни одного человека. Однажды натолкнулись на огромный упавший кедр, скрученный какой-то непонятной силой наподобие выжимаемого вручную белья. Саша прижала ладони к одному из этих спиральных наростов, и, как всегда, отвернув голову, долго стояла неподвижно.

На обратном пути останавливаемся на несколько дней в Академгородке у Сашиной старшей сестры, психолога и переводчика-синхрониста. Она упорно пытается вызвать Сашу на языковое общение. Вот и теперь я сижу в кухне за чашкой чая, а из комнаты доносится настойчивый голос Лики: «Саша, ну ответь мне... получишь яблоко, если ответишь». И вдруг я слышу Сашин чуть запинаящийся голос: «Я пока не хочу. Я не знаю ничего». Этот листок с локацией места и времени: новосибирский Академгородок, 22 часа, 26 декабря 2002 года, сохранился до настоящего времени.

Ещё через несколько лет, тоже поздней осенью, летим с Сашей в Израиль.

Нас приглашает моя сестра, и мы поселяемся в её уютной квартире на севере страны в Кармиэле. Мы бродим с утра до вечера по библейским холмам, поросшим жёстким кустарником, спускаемся в долины к оливковым рощам, уже сбросившим нам под ноги чёрные плоды. Людей вокруг нет совсем.

Саше, похоже, всё это нравится. Она пальпирует большие чёрные камни на склонах холмов, долго стоит рядом

с древним пастушеским колодцем, искоса поглядывая на него. Неожиданно начинается тёплый дождь, и мы укрываемся в каменной нише недалеко от колодца.

Потом сестра отвозит нас на пустынный пляж рядом со старинным городом Акко. Здесь тоже нет людей: купальный сезон кончился, а через несколько дней, когда из караульной будки уходят охранники, мы остаёмся совершенно одни на песчаных отмелях, тянувшихся на сотни метров. С одной стороны пляж замыкает старая крепостная стена, за которой город с узкими каменными улочками. Обогнув стену, мы неожиданно встречаем павлина, торжественно переходящего нам дорогу, и Саша долго смотрит на него. Когда вечером мы покидаем пляж, я выбрасываю громко шуршащую обёртку от чипсов в металлический контейнер, похожий на остов старого БМП. И тут же из маленьких люков, как десантники, выскакивают дикие котята. Мы с Сашей смеёмся и идём искать маршрутку в Кармиэль.

«У холма под решётчатой башнею ПВО / два араба натужно тянут: «Алла, Алла». / Этот миф, как гравюра Эшера: ничего / и всё не прощают друг другу — облако и скала. / Оглянись, сморгни — он растает, не сможет быть, / так, закрой глаза, и — вперёд, в родовой канал! / Что, фридурок, беглец, шелудивая волчья сыть: / в шестьдесят решил, что на родину прикинул? / Снял рюкзак, забросил в угол ненужный хлам, / в броневик подбитый прокрался, как в детский сон. / ...Пятна света плывут в осаждённый Йехиам, / Полируя косыми ступнями шершавый склон».

Так проходит месяц, и мы возвращаемся в уже зимнюю Москву.

Проходит год, потом ещё год. А потом я перестаю считать их. Зимой и весной мы бродим по лесопарку, к краю которого прижалась наша семнадцатизэтажка. А на каждое лето и осень переселяемся в дальнюю деревню, ту, с ко-

торой всё началось. Перед деревенским домом большая липа. То в чёрном кружевном белье, то в жёлто-зелёном тяжёлом платье, в котором запутались и раздражённо гудят сотни пчёл. Две стареющие кошки сопровождают нас, а все тропинки в окружающих лесах заучены наизусть. Начинаясь на лугах, за картофельными делянками позади чёрных бревенчатых изб, они уходят в глубину то хвойных, то дубовых лесов, тянутся вдоль реки Тезы, но всегда возвращают нас обратно к дому. Иногда мне кажется, что я мог бы легко бродить по ним, даже ослепнув.

Саша — внешне взрослая, крупная девушка с неподвижным, оглянувшимся внутрь себя, да так и забывшим вернуться обратно лицом. Ей — 25, и, хотя её жизнь внешне безмятежна, я заметил, что каждый год в её густых волосах прибавляются несколько нитей седины. Часто она отбегает от меня на несколько метров вперёд, потом останавливается вполборота и, низко наклонив голову, долго смотрит на меня, словно фотографируя невидимым фотоаппаратом. «На память, — думаю я. — На память, прежде чем совсем уйти».

Мы стараемся прожить в деревне до первого снега. И перед возвращением в Москву побродить вволю по сразу ставшему другим, выбеленному, как большая светлая комната, миру. В этом ритуале есть какая-то тень надежды, но надеяться нам остаётся только на то, что эта маета всё же когда-нибудь кончится.

Я вспоминаю, как много лет назад я залезал ночью на «всклокоченный сеновал», пристроенный к нашей первой деревенской избе. Один из листов шифера сорвало ветром, и, зарывшись в солому, можно было долго смотреть в звёздное осеннее небо.

Мы стоим, прижавшись спинами к двум соснам на краю леса. Одинокий поздний комарик садится на белый аэродром рядом с нами. Ползёт по снегу, цепляясь за сухие травинки. И уже не может взлететь.

Воздух здесь был неправдоподобно сух и прозрачен, словно, выйдя из воды, они оказались внутри остывшей стеклянной жаровни. Каньон, начинающийся в ста шагах от Corral beach — пляжа на дальней окраине Эйлата, — уходил вглубь горного массива, и он подумал: вдруг им удастся подняться до самого верха, чтобы взглянуть на пустыню, лежащую позади хребта. Каньон беспрепятственно впустил их в себя и бесшумно затворил за спинами невидимую дверь.

Он приехал сюда в отпуск с дочкой: подростком-аутисткой, упорно и безнадежно молчащей уже восьмой год, и вроде выходило так, что остаток жизни ему придется домалчиваться вместе с ней.

Когда он вернулся со второй своей войны, из Чечни, жена рассказала ему, как трёхлетняя девочка часами стояла, завернувшись в его старый кожаный плащ, висящий за дверью, и подумалось, что именно тогда молчание, укрытое внутри тёплого чёрного кокона, стало разрастаться в ней — так растёт дерево: незаметно, но упорно и безостановочно. Потом оно захватило её всю, и последние слова — эхо её прощания с миром — донесли до него как-то поздней осенью, через два года: «Снег, снег, снег, снег...».

Теперь они двигались вверх осторожными короткими траверсами, и он равнодушно наблюдал, как камни на осыпях по бокам тропы, только что бывшие серыми, — становятся тёмно-синими и прозрачными. Когда он увидел это в первый раз, на закате, в одной из укромных долин рядом с Кармиэлем, то, усмехнувшись, подумал, что кактус, к которому он невзначай прислонился вспотевшей спиной, впрыснул в него дозу пейота. Впрочем, впечатлений хватало и без «дозы»: дочка и тогда, и сейчас активно пальпировала пейзаж: ожившая кисть руки над её левым плечом плела вокруг них невидимую корзинку. Пальцы ловко затягивали тугие стежки из подразумеваемых гибких прутиков и нитей, и по окончанию работы камни рядом с ним стали просто чёрными провалами в никуда.

«Понимаешь, это единственная тропа, — бормотал он, балансируя на обтекающей кроссовки осыпи, — идущая вглубь. Вглубь — облака, вглубь — оливы, вглубь — глубины...»

Он остановился, поджидая чуть отставшую дочку, и неожиданно вспомнил старые стихи, столь любимые им в отрочестве. И невероятно смешное, на его теперешний вкус, словечко из них: «безумно». Там было: «хочу безумно жить», и дальше, вроде: «всё сущее — увековечить». Автор наверняка верил в возможность «увековечивания сущего» и даже, такой гордец! — в «воплощение несбывшегося». Понятно, что без магии в этом деле ему было не обойтись. Они там все каналы под магов, сноровистых и рукодельных, только вот пили много, — подумал он, — но всё равно, у них что-то получилось. В том числе — и тот мир, откуда я теперь ищу несуществующий выход.

На мгновение он потерял равновесие. Ноги ушли в вязкую кремнистую темноту, а потом (каждый раз переход оказывался неожиданным) упёрлись в плоские камни, которыми оканчивалась единственная улица этого чеченского села: улица, круто забирающая вверх и переходящая в тропу, прыгающую через ручей по дну узкого ущелья. Он оглянулся назад, вспомнить, что осталось там, внизу.

Внизу стоял февральский холодный туман, и его капли всё ещё цеплялись за плечи штормовки. Отсюда, сверху, село было — как мертвец, укрытый грязным белым одеялом. Остывшее изувеченное тело — околоченная судорога в полтора километра длины, наискосок уходящая в долину. Он вспомнил, как утром выползал из разрушенного дома через метровую пробоину, похожую на люк затонувшей субмарины, и тогда ему на мгновение показалось, что нужно сильно оттолкнуться ногами, чтобы выплыть на поверхность.

Поднимаясь по ущелью, он повторил привязчивую строчку старых стихов. Ну, да: увековечить сущее, и притом именно сейчас. Только вот: на хрена? Ведь здесь, над пустыми черепами зимних репейников, уже соткали свой холст железные машинки, безупречно завершившие

обратный процесс. И сноровистые submachine-gamers сдали готовый продукт заказчику.

Бой ушёл далеко вверх и вроде бы закончился за порогом перевала, там, где к скальному разлому прижимался лунный диск со стекающей вниз по его левому боку тёмной змеёй Моря Холода. Он закрыл глаза и увидел большую краснопёрую рыбу, штурмующую водопад по ту сторону глазных яблок. Балансируя на тугом прозрачном канате, она извернулась, подпрыгнула ещё раз, и поток бросил её вниз, на острую пластину скалы — кремнёвый разделочный нож, выступающий из кипящей воды.

Он начал осторожно откидывать голову назад, одновременно стараясь забросить в сетчатку глаз тусклые, быстро теряющие объём камни на круто обрывающейся в ночь тропе. Вспомнив о дочке, он решил, что так он поможет наполнить её корзинку. И тогда почему-то всё окажется в порядке. Закончив, он поднял невесомый полупрозрачный кокон вверх, совместив с той частью его планеты, что (вместе с нарастающей болью в позвоночнике) была только жёлтым жерлом проектора, за которым в пыльной будке спит поддатый киномеханик, а закольцованная лента, совсем не мешая ему, шуршит и поскрипывает, продёргиваясь сквозь блестящие сочленения.

«Просто — двойная планета, — подумал он, — и ты — кровоточащая рыба, пытающаяся пробиться в далёкое лунное море через беззвучный прибой отражений».

Обетованность земли, в чью тёмную плоть он вдавливал спину и затылок, была только иллюзией, беспомощно трепыхающейся в холодных ладонях Бога. Но эти искалеченные ладони с начисто стёртыми линиями жизни, безнадёжно чужие и потусторонние, всё же были ближе его телу, чем горы вокруг.

«Сепаратный мир, — подумал он. — Я, как тот несчастный парень из старого хемингуэевского романа, всё же заключил его. И теперь всего-то и нужно — двигаться вверх внутри светового кипения, чтобы остаться той частью мира, которая отделилась».

Примечания

1. Божко-Божинский, Гавриил Георгиевич, дворянин. Род. в Волынск, губ. в 1851 г. Студент Киевск. ун-та.

В 1874 г. имел сношения с киевск. «коммуной»; весною и летом т.г., проживая в Чернигове на уроках, организовал рев. кружок (Тищенко, Харченко и др.). Арестован по этому делу и 5 мая 1877 г. предан суду ос. прис. Сената по обвинению в принадлежн. к преступн. сообщ-ву и в распространении книг, имевших целью возбуждение к бунту. 23 янв. 1878 г. признан виновным и приговорен к высылке на житьё в одну из отдален. губерний, кроме Сибири, с воспрещением всяких отлучек в течение 254 лет (*так в тексте* — С.Б.), при чём суд ходатайствовал о вменении ему в наказание предвар. содержания под стражей. По выс. пов. 11 мая 1878 г. ходатайство суда удовлетворено. В 1879 г. получил звание лекаря. В нач. 1900-х гг. — врач во Владимире.

Справки (Е. Имшенецкий, А. Карлович, Левенталь, Польгейм, М. Соколовская, П. Сурин, Харченко). — Справ. листок. — Ведомость по Киевск. губ. (1876–878). — Доклады 1878, 11, 228–241. — Бурцев. За сто лет, II, 91. — Госуд. преступления III, 114 (103), 134–137 (122–125), 262 (239), 265 (241), 313 (285), 318 (289), 321 (293), 324 (295–296), 326 (297), 330 (300). — Венгеров. Список. — Медиц. список. — Стенограф. отчёт, 294, 300, 302, 308, 322–324, 335–350, 363, 369. — С. Чудновский, «Мин. Годы» 1908, V–VI, 373 (Из дальних лет).

2. Меша Селимович. Дервиш и смерть. М.: Прогресс, 1969.

3. Расмуссен Кнут. Великий санный путь. М.: Географгиз. 1958.

4. 8 апреля 1945 года на ферме в провинции Вестергётланд на западе Швеции родилась девочка. Её мать болела туберкулёзом кожи, и через три дня после рождения девочке сделали прививку. В результате ребёнок перестал кричать, как кричат все новорождённые, и, что выяснилось чуть позже, — перестал чувствовать боль.

Современная генетика постулирует влияние жёсткого стресса на возникновение избирательных и направленных мутаций. Природа этой поразительной способности совершенно неизвестна (Ю. Чайковский).

Девочка выросла и написала книгу. В ней описывается мир, который она называет своим «внешним» измерением. Книга называется «Другое детство».

Мы живём в выделенной и тщательно отредактированной реальности, границы которой охраняются нашим восприятием так же жёстко, как охраняется периметр тоталитарной страны. И чтобы изменить свои базовые представления о мире, человек должен для начала осознать, что реальность не обязательно совпадает с его верованиями. Девочка Ирис очень поможет нам в этом трудном деле. Она просто возьмёт нас за руку и введёт в свой «внешний» мир, а десятилетие спустя, когда она сделает выбор в пользу нашего (для неё – внутреннего) мира, она расскажет нам о нём с позиции внешнего наблюдателя.

В первом случае это выглядит так:

«Я стояла совершенно неподвижно и смотрела ей (*ругающей её бабушке — С.Б.*) прямо в глаза, и, когда она начинала говорить, её слова начинали кружиться по комнате. Они были разных цветов, не тех обычных цветов, которые встречаются повсюду, но цветов совершенно иного рода. Они светились и складывались в причудливые узоры. Всё вокруг меня было словно живое, и всё двигалось в удивительном узоре. Я купалась в разноцветных искрах и кружилась в них. Они то и дело меняли форму, и было приятно плыть в этом потоке...

Иногда они (*слова — С.Б.*) превращались во множество ярких вихрей, которые кружились в темноте, и лица людей, которые сидели в комнате, начинали светиться. Глаза их как будто излучали необыкновенный свет, а звуки, которые они издавали, когда смеялись, светились по-другому, и вокруг них и между ними, подобно шёлковым нитям, кружились световые

вихри. Я плыла к этому свету и вглядывалась в него. Было так интересно наблюдать, как всё без конца менялось несмотря на то, что все люди сидели на своих местах».

Главной экзистенциальной проблемой девочки Ирис оказывается выбор между нашим (для неё — внутренним) миром и тем, который она называет «внешним». Этот выбор очень труден, поскольку её «внешний» мир глубже, богаче и совершенней нашего. Он обладает высокой динамикой, неведомыми нам степенями свободы, невероятной привлекательностью:

«Мне нравилось „кружить“ по комнате. Я „скользила“ между людьми и „ныряла“ под их кофты».

Девочка учится технике перехода во «внешний» мир, используя верёвочные качели, подвешенные к старому дереву во дворе её дома. Раскачиваясь на них, она в какой-то момент оказывается внутри диатропической сети, упругие нити которой вбрасывают её внутрь неожиданного (спонтанного) мира, лишённого жёсткого логического каркаса и, самое главное, — сквозной детерминированности. Вот характеристика места, куда она попадает, в изложении одного из современных российских философов:

«Спонтанность — это реальность другого мира, смежного нашему; она не подчиняется причинно-следственным связям, не локализована в физическом пространстве — в нём она только проявляет себя... Не ограниченная временными рамками, она отождествляется с забеганием вперёд, что порождает завихрения времени» (В.В. Налимов).

Диатропическая сеть,

«то есть рефренная структура разнообразия, пронизывает не только мир структур организмов, но и мир их функций, и мир их поведенческих взаимодействий», — формулирует современный российский биолог и философ Юрий Чайковский.

Способность к активному движению по рефренам, (открытость смежным мирам) получает в его эволюционной

теории общее обозначение: эдвант (от английского advance — продвижение, улучшение; advanced — передовой, продвинутый).

Между тем, девочка растёт на маленьком шведском хуторе, требующем от каждого из его насельников максимальной практической самоотдачи. Её родным и, прежде всего, отцу необходимо хоть как-то социализировать её:

«Отец много размышлял о том, чего мне не хватает, в какой-то момент я прекрасно всё понимала, а в следующее мгновение становилась совершенно иррациональной, и всё, что мне говорили, бесследно проходило мимо меня. Казалось, что мозг отрывается от своей опоры, память испаряется или погружается в недоступные глубины. Было совершенно невозможно заставить меня понять и использовать слова „я“, „ты“, „мы“...»

Похоже, доминантной характеристикой «внешнего» мира Ирис была автоблокировка механизмов предельной индивидуализации, отчуждения, обеспечивающая ей «свободу передвижения» — эдвантность в терминологии Ю. Чайковского. Её спонтанный, успешно обживаемый ею «внешний» мир — континуум, обладающий фрактальными характеристиками. Так, занимаясь отбраковкой и лечением больных телят, она умеет «забежать вперёд» во времени, и «увидеть» судьбу «тестируемого» объекта. Вот как это выглядит:

«Меня окружал какой-то густой туман, и из-за этого я была как бы совершенно одна, я не видела, не слышала и не чувствовала ничего, кроме проникавших сквозь него призраков, а иногда туман превращался в чудеснейшие картинки из волшебного фонаря. Это происходило на одном уровне, а на другом я видела, слышала и понимала гораздо больше, чем обычные люди, но, глядя на меня, этого нельзя было сказать, да и осознать это внутри себя я не могла.

Внутри этого тумана было так спокойно, безопасно и чудесно, что я очень болезненно реагировала, когда кто-то пытался проникнуть сквозь него. Я испытыва-

ла очень противоречивое чувство — с одной стороны, неприятное, а с другой стороны, меня охватывал какой-то особенный покой, когда кто-либо проникал сквозь него. Это так трудно объяснить, что, когда меня спрашивают об этом, мне приходится объяснять снова и снова.

Эмма (*пожилая женщина-инвалид, живущая на хуторе и, возможно, обладающая теми же способностями, что и Ирис*) входила в мой туман, и туман обнимал нас обоих. Свет в тумане менялся от тускло-серого к блестящему серебристо-золотистому. Её слова образовывали длинные струны, которые обвивались вокруг нас, и это было так красиво! Я много смеялась».

Ирис всё же удалось (в основном благодаря отцу) не только адаптироваться к социальной составляющей окружающего её мира, но и добиться в нём серьёзных успехов. На сегодняшний день она консультирующий психотерапевт по работе с аутичными детьми и их родителями. Наверное, самое удивительное здесь то, что она в ходе встраивания в социум не потеряла и не отказалась от способности к контакту со своим «внешним» миром. И успешному использованию его возможностей. В своём тексте она не выделяет эту особенность, но я назвал бы её способностью к активной жизни на границе между двумя мирами. Используя это качество, она подходит к описанию своего «внешнего» измерения, как антрополог, фиксирующий уникальный опыт взаимодействия с миром, во всём непохожем на нашу повседневность, но всё же смежным нашему. Вот выдержки из её «полевого дневника»:

«В мире Ирис не было людей, только масса обстоятельств, которые иногда замирали, которые можно было понюхать, попробовать на вкус, схватить и бросить. Иногда они шевелились и издавали звуки, было веселее, если они издавали много звуков, тогда они распространяли красивый свет, и лучи света складывались в красивые узоры, которые всё время светились и извивались в причудливых формах. Это было

похоже на фейерверк, там были цвета, но это не были обычные цвета, это был чистый свет, который каждый раз преображался. Кто-то отгаскивал Ирис, она не хотела поддаваться, ей это нравилось, это было так здорово, и она не могла перестать. Говорили, что для неё ничто не имеет значения и всё сразу исчезает из её головы.

Из того, что она видела, почти ничто не было связано с реальными вещами и повседневной реальностью. Она видела чувства, которые двигались вокруг неё, она видела мысли, явления и события. Она замечала всё, что было там, куда она направлялась: она не могла сказать, что это, но знала, потому что узнавала. Она видела, как вещи расставлены на столе в комнате, как разные люди **(не рассматривая их в человеческом аспекте)** *(выделено мной – С.Б.)* сидели вокруг стола, что говорил каждый из них, что они говорили друг другу, и всё, что происходило, она видела. Как Ирис была „Ирис“ как объект, так и всё, что она видела вокруг себя, было объектами, расположенными в ряд или громоздившимися один на другом».

В этом тексте мы присутствуем при описании того, что можно было бы назвать *«фрактальным мышлением»*, если бы у меня не возникали некоторые сомнения: «мышление» ли это? И «мышление» ли – эта невероятная сложность, порождаемая сама собой и вполне самосогласованная?

«Мы не знаем, какая именно сила изменяет в каждый нужный момент параметры деления клеток (фрактального роста). Многие учёные называют её полем, однако никакое известное поле дискретно-локальным и мгновенным действием не обладает. Всё, что могу добавить – что это „поле“ физиологичное, и оно локально изменяется во времени: в нужный момент запускает данный вид фрактального роста» (Ю. Чайковский).

Теперь о самом главном: окружающий нас мир за последние десятилетия меняется так стремительно, что

человеческое восприятие не успевает адаптироваться к темпу происходящего изменения. И одновременно он ментально однороден.

А «...восприятие действует только на основании различия. Любое получение информации с необходимостью является получением сведений о различии, а любое восприятие различия ограничено пороговым значением. Слишком слабые или слишком медленно поступающие различия не поддаются восприятию. Они не являются пищей для восприятия»

(Грегори Бейтсон).

Послания не доходят до адресата.

Термин Бейтсона *double bind*, введенный им в его главной книге «Экология разума», может переводиться на русский в интервале от «двойной капкан» до «двойное послание». В случае Ирис Юхансон я бы предпочёл второе значение. Возможно, аутическое мышление — единственная тропа через дебри, в которых плутает современное человечество. Мы современники последнего массового вымирания видов на нашей земле и — последнее звено этой цепи. В течение нескольких сот лет Западная Европа и в меньшей степени Московия практиковали отрицательный отбор. Женщины, обладающие способностями, близкими к тем, которые демонстрировала Ирис, уничтожались. Я напоминаю вам об «уничтожении инквизицией почти девяти миллионов „ведьм“, большинство из которых были просто сельскими женщинами, пытавшимися сохранить древнее женское знание о лечении травами, предохранении от зачатия и акушерстве» (R. Metzner).

А теперь: двойное послание Ирис:

«Снаружи: состояние там или здесь.

Когда вы будете читать эти строки, забудьте всё, что вы знаете о том, что обычно называют нормальным. Я нормальная, но у меня было множество переживаний, которые нельзя классифицировать с каузальной, естественнонаучной точки зрения. Пусть логика или то, что мои слова не подкреплены доказательствами, не мешает

вам. Отправьтесь со мной в фантастическое, головокружительное путешествие в мир моего детства и испытайте внутри себя чувство узнавания. Я уверена, что нам всем доступно это измерение с самого начала, **но рано, очень рано для окружающих нас взрослых становится важным, чтобы мы укоренились в той части реальности, которая не привлекает внимания, и так забываются знания о мире беспредельности, мире без времени и места** (*выделено мной – С.Б.*).

Я не позволила себе закрепиться в этой реальности, я не понимала её и не понимала, что я должна понять, поэтому моя родина была там, где я ощущала мир. Это состояние было светлым и ярким, я была внутри себя или снаружи, скорее я была везде, я уплывала туда, куда было направлено моё внимание, и попадала внутрь этого. Мир моих мыслей простирался всюду.

Если я начну объяснять или отстаивать мои переживания, мой рассказ потеряет экзистенциальный смысл, который лежит вне мышления «правильно-неправильно», поэтому оставьте сомнения за обложкой книги и возвращайтесь к ним, когда прочтёте последнюю страницу. То, что не затронет вас, отпадёт, а если что-то затронет — это сдвинет рычаги вашей памяти, и вы почувствуете тот глубокий внутренний мир, который вы давно покинули.

Эти переживания подобны ветру: когда ветер дует, вы чувствуете это или видите его действие, когда на деревьях шелестит листва. Когда же он унимается, вы не чувствуете ни малейшего дуновения, но вы знаете, что ветер существует, что в любой момент может разразиться ураган.

Подобно тому, как ветер не является истинным или ложным, так и то, что я пишу, не такой природы. То, что я пишу, как ветер: можно почувствовать дуновение, и каждый знает, что внутри нас, людей, существует внутренняя невидимая глубина, которую трудно как следует понять, но всё равно мы узнаём её.

Этот внутренне-внешний мир, который я называла настоящим, отличался от обычного мира прежде всего тем, что в этом мире я понимала на уровне знания гораздо больше, чем обычно понимают люди. Моя проблема состояла в том, что у меня не было никакого канала, чтобы трансформировать это в культуру и социальность обычного мира, я вообще не понимала, что другие не входят в этот настоящий мир и что я по-настоящему не вхожу в обычный мир, что мои „фантазии“ непонятны другим и что они пугают их. Мой папа научил меня, что нельзя рассказывать об этом мире где угодно и как угодно, что он должен быть внутри. **Я говорила „снаружи“ об этом мире, а он говорил: „Внутри“, я знала, что это одно и то же, поэтому не имело значения, что они назывались по-разному (выделено мной — С.Б.).** Я не понимала, когда и где я не должна говорить о нём, поэтому я болтала всё время, но окружающие отмахивались от моих слов, как от фантазий, и никто не слушал меня.

Речь идёт о первичном мышлении — мышлении, которое происходит без слов и предложений, своеобразном знании, которое существует целиком, и которое потом может возвращаться и всплывать снова и снова, но которое никогда автоматически не переходит в слова (выделено мной — С.Б.). Сначала всплывает довольно общая большая картина, вокруг которой я двигаюсь, словно смотрю в камеру с широкоугольным объективом, хотя я не наблюдаю, а участвую в этой картине, а потом камера может увеличить любую мелкую деталь целого; и я вхожу в неё. Тогда меняется перспектива, всё приближается и увеличивается. Перспектива Мальчика-с-пальчика меняется на перспективу Гулливера, потом на нормальные пропорции, и всё существует одновременно. Нет никаких границ, никакой изнанки, ни начала, ни конца в этой реальности, это настоящее, которое может менять форму всё время.

Я смотрела на мир по ту сторону поля. Там росли хлеба. Они были зелёные и волновались, как воды. Меня влекло туда, уносило к этому движению. Ветер шелестел в ушах, гладил лицо, и легко-легко я понеслась над полем. Воздух заблестел, как будто везде было серебро, он мерцал и сверкал. Появились мои друзья. Один пришёл с одной стороны как маленький тайфун, другой как длинная полоса. На свету я видела, кто был кто: тайфун был тёмным — это был Скюдде, полоса была светлой, как лён, — это был Слире. В поле зрения попало множество любопытных вещей. Они всегда приносили их с собой. Мы летали из стороны в сторону, растопырив руки и ноги так, чтобы всё время касаться животами хлебов, казалось, что нас несёт по мягкой волне. Мир как будто был раскрыт, и мы были внутри. Было щекотно, и я смеялась, у меня закружилась голова, и я дико завывала, было так чудесно...

Покачиваюсь, покачиваюсь на тихом ходу. Мир менял сущность. Воздух как будто обнимал меня и уносил прочь. Всё вокруг меня приобрело иной смысл. Бленда стала светиться. Я видела, как спокойно и тихо она идёт, но она словно парила над землёй, она стала прозрачной, как сказочная лошадь. Я смотрела на своё другое тело, оно танцевало, кружилось, как маленький тайфун. Это выглядело так странно. Оно начиналось как маленькая серая полоса, идущая вдоль поля, расширялось, превращалось в круг, и в середине его была Ирис, её лицо, оно застыло неподвижно и только светилось, но тонкая прозрачная оболочка вокруг тела крутилась, как тайфун. Всё остальное стояло неподвижно, оно было светлым, ярко-голубым, красивым и чарующим. Тайфун нёсся над пейзажем, и пейзаж всё время менялся. То поля и луга, то берёзовая роща, то большие тёмные леса, горы и долины, в более глубоких тонах и более тяжёлых, потом море и скалы, они переливались всеми тончайшими красно-лиловыми оттенками, которые только можно себе

представить. Внутри было легко. Тело смеялось и радовалось.

Люди были такие странные, они продолжали делать массу вещей и пытались заставить меня делать так же, но я никогда не знала, что и как, знала только, что вокруг много людей, которые иногда мешали, иногда были веселы, они делали мой мир светлым. У людей, как у животных, была особая динамика, сила, которая двигалась и наполняла меня по-другому, нежели вещи. Вещи стояли неподвижно, и вокруг них был свет, вокруг каких-то вещей приятный, вокруг других бессмысленный, но они просто были и представляли собой неподвижную картину, чаще всего неинтересную.

Эмма была моей. Она называла меня своей маленькой голубкой и никогда не уставала слушать меня. Она отличалась от всех людей, которых я знала. Она была словно подвижная субстанция, большая — большое тёплое существо, которое заполняло весь мой мир. С ней я могла играть. Она брала меня, приподнимала, сажала к себе на колени, и я словно входила в гавань с тёплой, пузырящейся водой. Я „купалась“ в ней. Кувыркалась. Её голос, хриплый и шершавый, звучал, как какая-то особенная музыка. Всё наполнялось внутри меня и снаружи. Слово всё было едино, я была во всём и в ней, вокруг неё, „проникала“ сквозь неё, и она была со мной. Нам было так весело. Она смеялась и играла со мной. Я видела её глаза, одновременно мутные и ясные, я „бросалась в них“, словно проносилась сквозь длинный-длинный прозрачный луч. Вдруг он раскрывался, и я оказывалась в море щупалец. Я видела руки и ноги, которые двигались вокруг меня, хватали меня, вели меня обратно в тело. Я снова выходила и попадала в другой луч, он исходил от звука: Эмма напевала что-то, и это превращалось в звёздное небо, в фейерверк, словно я была окружена множеством искр, и я видела её рот, откуда всё исходило. Я „входила“ в него, звуки „отбрасывали“ меня, и я „уносилась прочь“. Я поворачивалась, старалась попасть обратно, снова

ныряла туда, чтобы тотчас быть выброшенной. Эмма подбрасывала меня в воздух, я смеялась, так что мои лучи света разбрызгивались и смешивались с лучами Эммы, и всё начиналось снова».

Звучащий язык в паре: сказитель — внимающий — это нечто большее, чем язык.

Ирис в своём путешествии, минуя «галактику Гуттенберга», оказывается в умном «космосе сказителя», где язык — не только дом бытия, но и тропа, ведущая за его пределы:

«Его рассказы могли принимать любые формы, было изумительно „входить“ в них. Я „видела“ всех этих людей в жизни, они были прозрачны по-другому, чем обычные люди, более живые. Они разговаривали друг с другом, я „видела“ их фразы, которые плавали между ними, и я была с ними всё время, а они не замечали меня. Они хранили много приключений, много тайн. Они ускользали, прятались, крались, вместе воровали минуты, и это было ужасно интересно. Жизнь всех заканчивалась внезапной смертью, и похороны их были собранием заговорщиков и празднеством. После рассказов сторожа мир разрастался, и я видела содержание жизни, я была там и жила, хотя я не являлась частью их реальности, это было совершенно удивительно, и ничего другого не было в моём мире».

5. Бруно Беттельгейм. Пустая крепость: Детский аутизм и рождение «Я». СПб: Академический проект, 2004.

6. Эйнар Миккельсен. По следам жертв ледяной пустыни. Петроград, 1914.

7. Звезда Лефевра — «разумный» магнитный плазмOID SS 433. Звезда-гигант и необычно маленький компактный объект рядом с ней. Этот объект вытягивает из голубой звезды вещество, «питается» им и выбрасывает в двух противоположных направлениях с огромными скоростями тонкие струи газа. Спектры звезды соответствуют мелодии из 9 нот: до, ми, фа, соль, соль, ля, си, до, ре.

Коротко об авторе

Станислав Божко родился в 1947 году в Новосибирске. Учился на филологическом факультете Томского госуниверситета. В 1970-х годах работал в социологической лаборатории ТГУ. Одновременно был сторожем в оранжерее Горзеленстроя, где во время дежурств у него собиралась интеллектуальная молодёжь для бесед на волные темы и обмена запрещённой литературой.

В течение почти 10 лет проводил там культурологические и философские семинары, распространял произведения А. Авторханова, А. Солженицина, В. Шаламова и многих других.

1 апреля 1980 года КГБ провёл обыски в теплице и на квартирах С. Божко и его друзей и возбудил дело по обвинению в изготовлении, хранении и распространении антисоветской литературы. С. Божко после длительных допросов был изгнан с работы, получил официальное предостережение от органов безопасности. Долгие годы находился под наблюдением томского КГБ, был разнорабочим на строительных и ремонтных работах.

С 1988 года участвовал в создании томского «Мемориала». Стал одним из создателей «Вольного философского семинара» в Томске. В 1990 году женился на москвичке, отбывавшей ссылку в Томской области по политическому обвинению. Переселился в Москву.

В 1992 году познакомился с Виктором Попковым, лидером созданной им правозащитно-миротворческой организации «Омега», и стал её соучредителем.

Осенью 1992 года вместе с В. Попковым находился в зоне грузино-абхазского конфликта. Оказывал помощь в розыске убитых и пропавших без

вести гражданских лиц и комбатантов. Пытался предотвращать уничтожение культурных ценностей. Участвовал в эвакуации из зоны конфликта женщин и детей.

В январе-феврале 1995 года в Чечне совместно с организациями ОМИ и «Международное ненасилие» Станислав Божко вывозил гражданское население и раненных комбатантов из зон интенсивных бомбёжек. Участвовал в снабжении продовольствием, водой и медикаментами оставшихся в центре Грозного мирных граждан.

Во время Второй чеченской войны неоднократно ездил в Чечню с гуманитарными миссиями. Участвовал в миротворческих программах, направленных на стабилизацию обстановки в приграничных районах Чечни и Дагестана.

Автор многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике и трёх книг: «Время года – война», «Зеркала» и «Последнее убежище», вышедших в московском издательстве «Волшебный фонарь».

Содержание

Елена Куликова. О чём эта книга 7

Виктория Шиловская
Дорога любви

Необъяснимое событие 10

Годы учёбы 20

Несчастный случай 36

Денис Шиловский. Воспоминания о том,
как в юности я устраивал у себя дома и в гостях
цирковые представления 42

Интервью Елены Куликовой с Викторией Шиловской.
Это многим нужно 53

О Нинели Ионтельевне Непомнящей 58

Станислав Божко
Саша и Стэн 63

Коротко об авторе 115

УДК 882-92
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш59
Б76

Виктория Шиловская

Дорога любви.

Станислав Божко

Саша и Стэн. —

М.: Волшебный фонарь, 2019. 118 с.

Шиловская Виктория
deni-shilovski@yandex.ru

Божко Станислав
stas.bozhko.47@gmail.com

ISBN 978-5-903505-06-7

ISBN 978-5-903505-06-7

- © В.Б. Шиловская, текст, фото, 2019
- © С.В. Божко, текст, 2019
- © Г.С. Санников, фото, 2019
- © Е.Н. Санникова, фото, 2019
- © «Волшебный фонарь», макет, 2019

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

Заказ №223

Формат 60x90/16

Объем 7,4 п.л.

